

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

ДОМ ЧУДОВИЩ

СТРАШНАЯ
ОБЩАГА

Самая страшная книга. Дом чудовищ

Александр Матюхин

Страшная общага

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Страшная общага / А. А. Матюхин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Самая страшная книга. Дом чудовищ)

ISBN 978-5-17-118596-1

Возможно, и вы попадете сюда. Кто-то о вас скажет: «Видел у Страшной общаги». Скорее всего, это будет ваше последнее воспоминание, если только вы не один из ее жителей. Детский сад для мертвых, фотограф смерти, ожившие статуи ангелов, говорящая голова мертвой девушки, мавка-убийца – всё в этом здании, одиноко стоящем на пустыре чуть в стороне от центра большого города. Что таится в Страшной общаге, какие тайны скрывает ее комендант, для кого она становится домом, а кто, однажды войдя, уже не найдет пути обратно? Страшная общага. Здесь живут чудовища.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-118596-1

© Матюхин А. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Александр Прокопович	6
Пролог	6
Глава первая.	8
Глава вторая. Старая Общага	13
Глава третья. Дом с чудовищами	18
Глава четвертая. Комендант	25
Анна Коршунова	30
София Яновицкая	48
1	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Страшная общага

Сборник рассказов

© Авторы, текст, 2019

© А. А. Прокопович, составление, 2019

© Е. Эллер, иллюстрация на обложке, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Александр Прокопович Страшная общага

Пролог

Никаких белых стен, никакого – «светло и стерильно». Рыжие стены, липкий пол. Холодно.

– Забавно.

Петровский перекрывал вход в палату и с расстояния, не оставляющего надежду что-то толком рассмотреть, наблюдал за тремя телами. С опаской. Сейчас придут в себя и займутся чем-то непотребным.

Младший следователь Дарья Рыжикова пыталась заглянуть за плечо Василию Петровскому. Вероятно, если бы она подпрыгнула, ей бы удалось. В конце концов, Петровский был не так и высок – всего-то 189 см. Просто Дарья недотягивала до 150. У нее были идеальный вес и рост для незаметности. Особенно на фоне Петровского.

– Вы не подойдете?

– Чтобы что?

Василий Петровский брезговал. То, что он дошел до дверей, – уже было подвигом. Странным образом его брезгливость улетучивалась, стоило ему оказаться на месте преступления.

– Ты понимаешь, что они все похожи? Как из одного инкубатора! – К концу фразы Петровский ушел в фальцет.

Похожими следователю казались тела двух мужчин и женщины возрастом от 18 до 45. Объединяла их разве что принадлежность к расе «бледнолицых» и гражданство, что было не странно.

Василий Петровский вышел из реанимации. Чтобы ему это удалось, младшему следователю Дарье Рыжиковой пришлось пятиться до развилки в коридоре и уже там вжиматься в стену, чтобы все сто с лишним килограммов живого веса Петровского величественно проплыли мимо.

Хлюпик студент, менеджер с явными признаками ежедневного спортзала и учительница... немодельных данных.

Даша помнила досье на каждого... кажется, у менеджера и учительницы были кредитки одного банка с совершенно разным балансом. Жили в разных районах, ели и пили разное, как-то зарабатывали и в один день впали в кому. Без намека на адекватный анамнез.

Она точно знала только одно место, где они пересеклись. В этой палате.

Кажется, Петровский напевал. Что-то безнадежно мимо нот. Больница осталась позади, и, вероятно, это радовало следователя.

– Василий Николаевич, чем они похожи? – Даша догнала Петровского, так и не найдя у коматозников ничего общего. – Их всех отравили, наверное?

– Отравили? – Разворот объемного тела Петровского вызвал небольшой порыв ветра. – Даша, судя по анализам, они все абсолютно чисты. – Василий сощурил глаза, будто увидел что-то в направлении реанимации, и добавил: – Совершенно здоровые коматозники. Трое в один день. Это странно. Но гораздо интереснее, причем это интереснее всегда, – деньги. Каждый из этих троих жил значительно лучше и богаче, чем мог бы.

– Богатый студент?

– Ага. У него одни кроссовки стоят больше твоей зарплаты. А учительница... Она могла бы финансировать школу сезонными распродажами своих платьев.

Василий Петрович раскрывался с неожиданной стороны. Дарья невольно скользнула взглядом по своему отражению в стекле больничных дверей – а стоимость ее гардероба он уже тоже вычислил?

Глава первая. Чтоб вы провалились

Костя Марков любил сетевые кафешки. Кофе в них становился все хуже, еда дошла до стадии – боже упаси еда, а официанты уходили куда-то вдаль – за пределы видимости клиента, – и все это недешево. Ему нравились здешние пустота и глубокие кресла. Без кофе, что ж – пусть без него. Если так никто и не подойдет – удача. Можно будет сэкономить.

Матерчатый рюкзак показался странно потяжелевшим. Константин выгрузил содержимое на столик. Старенький ноут, конспекты, учебник и здоровенный блокнот в черной шершавой обложке. К обложке прицеплена ручка с клипсой на колпачке. Клипса – странная: длиной с ручку, вероятно, чтобы точно не слететь. На ощупь не поймешь, металл или пластмасса. Снял колпачок с трудом. Вероятно, предполагалось, что писать этим инструментом будут редко и что-то важное. И это была не ручка. Карандаш не карандаш... Стил? Толстый черный стержень сам ложился в руку – не скользил, приятно тяжелый... почему-то Костя вспомнил дирижерскую палочку. Этим карандашом хотелось писать, но хотелось и просто взмахнуть, будто это могло что-то изменить.

Константин открыл блокнот. Попытался поставить подпись.

– Это же не ваша книга, зачем пачкать?

Высокий сиплый голос прилагался к девушке, удивительно непривлекательной. Стройная, тонкая, бледная; все в ней – от покатога плеча до тонкой щиколотки – должно было сексировать. Не работало. Наверное, глаза. Маленькие, светло-голубые, под широкими бровями. Смотрели чуть в сторону, будто справа от Кости сидел кто-то еще. И она пыталась смотреть сразу на обоих.

Карандаш коснулся бумаги и прорисовал подпись. Кажется, еще никогда две буквы – «К» и «М» – не смотрелись так. Константин Марков давно тренировал подпись, и вот результат. Карандаш или блокнот? Точно не Костя был виноват в этом графическом идеале.

– Не удержался, – девушка ляпнулась напротив, даже не пытаясь поправить не слегка задравшуюся юбку. – Подари книгу. Я тебе кофе оплачу. И вообще... Я бы и сама поела еще.

– Это блокнот. – Константин пытался пролистать плотные молочно-белые страницы. Не получалось. Станным образом они не заканчивались.

– Ты так можешь до Нового года листать. Почему я тебе не нравлюсь? Лицо?

– Да. Что-то не то с глазами... – Костя наконец оторвался от блокнота: – И с бровями.

– Никогда все не просчитать. Но ноги-то хороши?

– Ноги хороши. – Константин Марков сообразил, что впервые он смотрит на девичьи ноги по просьбе самой девы. – А не холодно босиком?

– Туфли. Сандалии, балетки, шлепанцы. – Девушка произносила каждое слово, словно пробуя на вкус: подойдет не подойдет...

– Ботинки, сапоги, – продолжил Костя. Кивнул на дверь: – Там лужи. И грязь.

– А книгу не отдашь? Я могу купить. Дорого. Хотя не хочу. – Девушка вывернула ногу и внимательно изучала ступню. – Меня зовут... допустим, Лиза. Подходит?

Ей не подошло бы любое из имен. Блокнот, который она упорно называла книгой, отдавать не хотелось. Так не хочется прикоснуться к личинке. Почувствовать даже на мгновение.

– Лиза? Не подходит. – Костя очень хотел уйти, было бы кафе чуть полнее и шумнее, но вот так – один на один – встать и просто уйти было никак.

– Лады. – Лиза поднялась плавным движением выдвигающейся телескопической трубы, нагнулась над Костей, будто с этого ракурса можно было увидеть что-то большее. – Это даже хорошо. Не люблю покупать. – На миг ее маленькие глаза слились в один огромный, уже не

бесцветный – теплый карий – не оторваться: – Коостяя, – протянула она низким бархатным, почти баритоном, – увидимся, зайка...

Костя моргнул – еще раз. Что-то мешало, будто рой мошек попал в глаз. Протер глаза – он сидел один, никаких босоногих девиц. Правда, и блокнот никуда не делся. И самая красивая подпись в жизни Константина Маркова – тоже ему не привиделась.

Остро захотелось домой. Что странно. Идти было недалеко. В двухкомнатной на Пестеля у Кости было единственное в своем роде место: место, где его не трогали, – кровать. Если только братья тоже уже спали. Не такая и большая семья – родители, бабушка и братья, – но ему просто не хватало лишнего квадратного метра и пары часов. Поэтому кафе. Поэтому большой рюкзак, в котором все важное с собой. Только гитара дома, на шкафу у окна, – остальное за плечами на широких лямках.

На самом деле все объяснялось просто. Психолог не нужен. Константин очень часто ломал кости. Не из-за неловкости или сглаза. Остеопороз. Любое падение, любая драка заканчивались больницей. У него выработалась особая походка – осторожная: сначала попробуй, потом шагай. В любой компании Костя каким-то чудом находил место на отшибе подальше от всех. Предпочитал пройтись вместо поездки в среднезаполненном троллейбусе. А еще он был категорически против насилия. И тут помог бы разряд по бегу на средние дистанции. Только убегать Костя тоже умел плохо.

Сейчас захотелось к своим – вопреки себе: в туго набитое пространство квартиры, в которой не было ни одного свободного угла. Зато всегда тепло, зато по скрипу паркета ты точно знаешь, кто и где сделал шаг.

Центр города бывает разный. Шумный, спешащий сразу во все стороны, или сонный, и случайное такси едет, засыпая на ходу. Такими, как сейчас, Костя эти улочки не помнил. И уж точно не вечером. Все ушли. Пусто, будто кто-то съел все живое, а потом еще раз прошелся и вылизал остатки. Хоть бы машина проехала. Желательно с синей полоской на боку.

Костя успел испугаться. Не пустоте, а вот этому предчувствию – сейчас оно, страшное, случится. Предчувствию, которое никогда не обманывало и всегда являлось слишком поздно. Константин ускорился – ну так, чтобы никто-никто не подумал, что он чего-то боится. Просто идет человек быстрым шагом. Торопится. Иногда оглядывается, так это не от страха – это просто знакомых надеется увидеть.

Кто-то, кого абсолютно точно не было на безлюдной улице, рванул его сзади за лямки рюкзака. Рюкзак был старенький, но нагрузку выдержал. А Костя нет. Тот, кто пытался сорвать с него рюкзак, сорвал Костю. Было бы нормально стукнуть ногой, попытаться избавиться от рюкзака и встретиться с противником лицом к лицу – да что угодно было бы нормальнее, чем Константин, барахтающийся, как котенок, схваченный за шкуру.

– Подожди. – Парень, вынырнувший откуда-то сбоку, как-то не успокоил. Было не очень понятно, чего именно должен подождать Костя. Сзади Константина Маркова все еще держали, но уже не пытались оторвать лямки. Костя еще раз дернулся – снова безнадежно, попытался крикнуть – горло пересохло, наружу вырвался то ли сип, то ли кашель.

– Прекращай, – неизвестный парень пытался продолжить диалог с той интонацией, что понимаешь – мало что зависит от тебя, уже все решили.

С логикой человека, никогда не битого, Костя гадал, что будет дальше. Дальше его вырубili правильным ударом снизу в челюсть. Хороший получился удар.

Тошнило. И совсем не хотелось вставать. Челюсть, скорее всего, сломали. Рот открывался как-то не до конца и наискосок.

Разумеется, лежал он в луже, но вот холодно, мокро, противно – а подняться все это не мотивировало. Вставать не хотелось, лежать было уютно.

Только выбора не было. Рюкзак надо вернуть. Как именно, Костя еще не знал. Шансов было немного. Ну, вдруг двое с хорошим захватом и поставленным ударом захотят подраться между собой. Или просто решат, что вот этот рюкзак им вообще не нужен. Двое не спеша уходили по Моховой. Что это именно они, понять было легко. Его рюкзак на плече того, что повыше. Ну и, кроме них, никого. Пусто в городе. Чтобы смешаться с толпой, пришлось бы эту толпу где-то взять и быстро высадить здесь.

Костя с трудом себе представлял, кому мог бы понадобиться его рюкзак «старожил». Кошелек, что странно, не тронули. Правда, он тоже мало кому мог понадобиться.

Идти было странно. Будто улица только что отошла от перрона и, покачиваясь, набирала скорость. Удар был действительно хорош.

Двое не приближались. Косте очень захотелось, чтобы им стало так же плохо, как ему. И еще хуже. И еще немного. Чтоб сквозь землю провалились. Чтобы провалились сквозь этот чертов питерский асфальт.

Тот, который пониже, вдруг остановился, будто что-то ногой зацепил. Дернул, еще раз. Высокий, что с рюкзаком, решил во всем повторять товарища – тоже остановился. И тоже что-то странное ногами вытворял. Танцуют, что ли?

Костя сократил расстояние. Его заметили. Но как-то вскользь. Бояться его они, конечно, не боялись, но вот так, чтобы и внимания никакого?

Рюкзак легко поменял владельца. Будто давно ждал, когда же Костя уже дернет за лямку. Костя отскочил... нормально было бы бежать подальше, чтобы через пять минут, отдышавшись в своем подъезде, просто забыть и о высоком, и о низком.

Константин Марков не убежал. Он удивился. Низкий был низким только по сравнению с высоким, а так – хорошие метр восемьдесят. Не теперь.

Два парня провалились в обычный асфальт уже почти по колено и продолжали погружаться во внезапно ставший зыбучим тротуар.

Высокий еще раз попытался вытащить ногу и упал навзничь, на свою беду попытался смягчить падение руками – теперь уже в асфальте были и руки, и часть спины... Он закричал.

Слишком быстро. Слишком быстро они тонули. Костя спрятал телефон – пока дозволишься, пока объяснишь – некого будет спасать. Да и не поверит никто. Оглянулся – ни палок, ни веревок. Куртка? Толку – у одного руки в асфальте, – не зубами же ему цепляться, а второй, кажется, уже вообще не соображает.

Они не кричали. Низкий тихо выл, высокий плакал. Никаких скупых мужских слез. И даже не утереться.

Только что была жизнь – плохая, хорошая – твоя. Просто свернул не в ту сторону, вышел из дому на пять минут позже – и прилетает. Что-то идет не так. Что-то пошло совсем странно у этих двоих, и жизни осталось мало. Чуть-чуть.

Константин Марков не ложился на опасный асфальт, чтобы, распластавшись, уменьшить давление, как в фильмах показывают. Просто дернул низкого за плечи, а тот к моменту рывка уже ушел в асфальт по пояс, только руки держал на весу, боясь прикоснуться к поверхности.

По всем расчетам: ну как по всем – по тем, которые предполагают, что асфальт может быть трясинной. Вот по этим расчетам Константин должен был или сам начать тонуть, или тянуть-тянуть, дожидаясь мышки, кошки и всех остальных свидетелей «Репки». И конечно, привычные трещины, если повезет, перелом, если как обычно. Вместо этого низкий вылетел из асфальта с готовностью самонаводящейся пробки с реактивными двигателями. Кажется, момент приземления низкого на Костю, Кости на рюкзак совпал по времени со всхлипом высо-

кого. Особенным. Ты ждешь следующего, а его нет, и ты не сразу понимаешь – тот был последним.

По отработанной годами схеме Костя вначале убедился, что он все еще цел, исключая челюсть. Кажется – обошлось. Или адреналин все загасил.

К моменту, когда он выбрался из-под спасенного, на месте, где тонули парни, лежал обычный асфальт: не новый, не старый – обычный, с трещинами и выбоинами, и никаких следов того, что он только что был страшным. Никаких следов, что только что в нем был человек.

Маленький кусок гладкой розовой пластмассы. Кажется. Костя с задержкой секунды в три сообразил, что это кончик носа. Не было у него опыта рассматривать носы в отдельности от голов.

Константин сделал самое глупое, что только можно было, – попытался пальцами вскрыть эту серую корку, из которой торчал нос. Он уже почти почувствовал, как ногти касаются асфальта, как пальцы бесполезно скользят. Случилось другое. Казалось, он прикоснулся не к застывшей смоле, а к толстому бархатистому ковру. Влажному, тяжелому, но готовому послушно уступить.

Асфальт тут был многослойный. Гравий, кирпичная крошка, земля – каша из разного.

Всхлип. Нос дернулся и вздохнул. Костя подумал, что вот так, наверное, работают археологи – выкопать и не сломать. Его это как-то мало сейчас волновало, но где-то далеко – в нормальном мире – люди справляются с асфальтом чем-нибудь типа отбойного молотка.

Чуть позже Константин обнаружил колени. С ними работать было проще. Чуть подкопал и дернул на себя. На мгновение с трудом откопанный нос снова ушел под землю, чтобы тут же вынырнуть вместе со всем остальным телом. В прошлой жизни – той, что закончилась приблизительно в тот момент, когда асфальт стал жидким, Костя Марков мог уверенно выдернуть из земли... что-то точно маленькое и легкое, но не здорового мужика – железного кандидата на кличку Шпала.

Косте никто не помогал. Получивший первым свободу низкий предпочел испариться в неизвестном направлении. Высокий, еще до конца не пришедший в себя, пытался отползти в сторону железного заборчика, огораживающего кому-то дорогие кустики. Уцепился за металл и неожиданно проворно на четвереньках рванул. Отбежав метров на пятьдесят, оторвался от заборчика и уже совсем с дикой скоростью, все так же не разгибаясь, вылетел на соседнюю улицу.

Асфальт больше не внушал доверия. Доверия не внушали глаза, руки и мозг. Костя ждал – сейчас проснусь. Сон не заканчивался. Зато оказалось, он мерзнет. И руки очень хотелось отмыть. Еще хотелось очень сильно потрясти головой, чтобы все, что случилось, вылетело и испарилось, будто никогда и не происходило. В теории – надо бы в травмпункт, что-то у него точно – не сломалось, так треснуло, но до дома было уже рукой подать, Костя решил – сначала домой.

Парадное в доме Кости Маркова называлось так не потому, что по-питерски, – и потому никаких подъездов, а потому, что во двор вел «черный» ход, а этот был с улицы – огромные черные двери, мраморная лестница и пусть и затертый, но все еще проглядывающий мозаичный пол на площадках. И даже встроенный лет через шестьдесят после постройки дома лифт не нарушал этого чувства – сейчас вернется отошедший на минутку швейцар и строго спросит: «А вы, собственно, к кому?» Мрамор на ступеньках будто выточила вода, тысячи шагов смяли камень ближе к вычурным перилам.

Лампочка моргнула – не погасла, но свет потускнел, будто дымка наполнила подъезд, кажется, что достаточно светло, но все время хочется протереть глаза... У перил на лестнице сидела она. Острые коленки выше головы. Босиком.

– Я Лиза. Помнишь меня?

– Не мерзнешь, – не удивился Костя и попытался обойти девуцу. Если она ему приснится, это точно будет кошмар.

– Что ты с ними сделал? – Лиза говорила, не замечая попытки Кости обойти ее, – смотрела вперед, где Маркова уже не было. – Неужели топил в асфальте? Откуда такие жуткие фантазии?

– Я не топил... – К своему удивлению, говорить у Кости получалось. Челюсть болела, но работала.

– Да ладно! Ты их проклял? Что подумал? Чтоб вы сдохли? Не то... Чтобы утонули, вряд ли... Чтоб вы провалились! Точно! – Барышня заржала. – Хоть не бросил. – Лиза, не поворачиваясь, выбросила руку, как стрелу автокрана, вцепилась в плечо уже обошедшего ее Кости и одним движением вернула его к положению «стой передо мной»: – Вот так. Стоим и слушаем. Никуда не идем. Убежать решил. – Лиза потянулась длинной рукой и, зацепившись за перила, встала. – Кстати, можно было не копать. Просто сказал бы или подумал что-нибудь типа «вывалились обратно»!

Барышня стояла с трудом. Опираясь на перила – то ли с ногой какая проблема, то ли от слабости.

– Последний шанс – отдаешь мне книгу – и я тебя оставляю в покое. Да, и со мной твои фокусы не сработают. Можешь даже не напрягаться. Отдаешь?

– Нет. – Смысла упираться из-за блокнота, почему-то называемого книгой, не было никакого. Потерял бы – и не расстроился ни разу. Но вот не отдавал. До него очень медленно, но все же дошло, что его только что пытались ограбить из-за этой странной барышни. Что именно произошло с грабителями и почему – об этом он решил пока не думать. Самым неприятным было то, что если его грабили, то и жидкий асфальт ему не привиделся.

– Киллеров наймешь?

– Не, не работает, – с явным сожалением ответила Лиза. – Если бы все так просто, я бы и сама справилась. С кражей тоже не могло ничего получиться, но попробовать ведь стоило? Ладно. – Странное создание смотрело сквозь Костю, будто где-то за ним висел монитор с вариантами – а что дальше? Кажется, она выбрала: – Костя, дружок, время идет, а ничего не происходит. Я тебя вычеркиваю.

– Что? В смысле «вычеркиваешь»? Откуда?

– Отовсюду. Увидимся, Костя Марков. Если доживешь.

Лампочка снова моргнула, дымка куда-то испарилась, словно и не было. Не было и барышни Лизы с длинными сильными руками. Костя потрогал себя за плечо – кажется, всё на месте – и поплелся к себе на второй этаж. 58 шагов от первой ступеньки крыльца до порога квартиры.

Глава вторая. Старая Общага

В доме у Марковых не было домофона. Уже давно все дворы перестали быть проходными, покрывшись решетками и замками, связки ключей обзавелись обязательными «таблетками», а этот дом все так и жил без замка на парадных дверях.

На дверях в квартиру замок имелся, правда единственное, что могло напугать потенциального грабителя, – размер замочной скважины. Больше это отверстие напоминало бойницу. Чтобы и пострелять, и дверь не разнести.

По неясным причинам ни грабители, ни бомжи, ни даже тихие алкоголики не приживались в парадном. Не нравилось им тут.

Костя вдавил кнопку звонка. Клавиша послушно дошла до своего предела. В полной тишине. Еще раз. С тем же успехом он мог бы нажимать на любой квадратный сантиметр стены. Ключей Костя, так же как и остальные члены семьи Марковых, не носил. Ключ существовал в единственном экземпляре – бронзовый, разумеется позеленевший, висел внутри на гвозде у дверей. Как-то так складывалось, что дома всегда кто-то был. Как-то складывалось. На случай коллективных выездов существовал еще один замок, ключи от которого глава семьи Марковых – Оксана Леонидовна – прятала так хорошо, что искать приходилось всей семьей.

Костя попытался привлечь внимание стуком в дверь. Что-то сегодня точно шло не так. Что-то. Все.

Надо бы сесть в тихом месте и успокоиться, понять, что на самом деле все хорошо и привычно, хотя... с тихого места сегодня все и началось.

Обычно стук – это не просто попытка нанести ущерб препятствию – это еще и звук. Руке было больно, возможно, что-то чувствовала дверь. А вот звук не получался. Костя решил, что он оглох. Щелкнул пальцами – все хорошо, оба уха услышали ровно то, что и должны были. Удар в дверь. Тишина.

Как-то это должно объясняться. Чувствуя себя резко поглупевшим, Костя достал телефон. Надежный, как штык-нож, прошедший песок, воду и чужие руки. С трещинами на экране, которые делали его только лучше, – никто не украдет. Телефон радостно зажег экран. Это все, что Константин Марков смог из него извлечь. В парадном было не особо тепло, но не минус – с чего бы смартфону глючить? Немного подсветить вокруг – это все, чем аппарат решил порадовать хозяина. Попытка сумасшедшая, но логичная – Костя попытался постучать телефоном о дверь. Тишина. Вероятно, какое-то ватное проклятие: все, к чему он прикасался, становится ватой – особенной, бесшумной. Оставалась еще пара вариантов: бросить камень в окно – второй этаж, попасть легко. Попытаться вынести дверь. Не с Костиным телосложением и не с его костями, но попробовать можно.

Наверное, дверь что-то услышала. Открылась резко, остановившись в миллиметре от Костиного лба. На пороге стояла женщина – из тех, что встречаются так редко, что не все верят в их существование. Каждый следующий год делал ее другой, но точно не хуже. Оксана Леонидовна Маркова стояла на пороге, и ничего материнского в ее взгляде не было.

– Вам что-то нужно, молодой человек?

Шутить в семье любили, но сейчас точно никакого сарказма. Костя чувствовал только холод. Такой он маму видел и даже наслаждался этим совершенным воином света. Закаленная службой в школе, Оксана Леонидовна внушала трепет любому, кто оказывался на ее пути. Вот только раньше он был по ту сторону линии фронта.

– Мама?

– Чего? – Если бы Оксане Леонидовне для выстрела требовалось взвести курок, то этот звук бы уже прозвучал.

За спиной у мамы Кости показался Марков-старший и, разумеется, два брата. Как-то так случилось, что младшие братья были шире, выше и куда более устрашающи по сравнению со старшим. Акселерация отдохнула на Косте, но компенсировала свою лень на Иване и Максиме.

– Еще раз, – голос Оксаны Леонидовны звучал почти что ласково: – Что вам нужно?

Костя знал, что надо что-то сказать, – что-то способное разбить вдребезги все. Ватные руки, неработающий телефон, как-то странно функционирующую семью. Не получилось. Он просто стоял, смотрел, и больше ничего. Он же дома. Вот в этом месте ничего глобально плохого быть вообще не может. Старший Марков как-то шепотом сообщил Косте: «Если кого-то убьешь, приходи домой – поможем труп спрятать».

Вот он дома и даже, кажется, никого не убил.

Маневр этот братики отрабатывали давно – ничего забавного, если ты не Иван и не Максим. Просто и эффективно. Двойняшки синхронно выдвинулись, подхватили Костю под руки слева и справа и просто вынесли на улицу. 58 шагов. Будто пленку перемотали – Константин снова стоял у двери родного парадного. Двери, в которой вообще никогда не было замка. Пытался ее открыть. Никак.

Если бы он был хотя бы немного девочкой – он бы просто сел здесь и заплакал. Вместо этого он снова и снова дергал за ручку. На улице по-прежнему не было никого. Если бы мимо проходил директор цирка, он наверняка предложил бы парню выступить с трогательной пантомимой «Не могу открыть незапертую дверь».

Всегда есть спасительная нить. Даже когда кажется, что ты никому не нужен, она есть. К родителям. К дому. Другам, любимым... Невидимое лезвие отрезало все.

Прошло несколько минут, а Константин начал всерьез сомневаться, что у него в этой жизни было что-то еще, кроме неоткрываемых дверей.

Не самый уютный город. Не приспособленный для прогулок в ноябре не спеша. Тут без остановок от точки А до точки Б ходят только самые упорные. Чаще – заглядывают по дороге куда-нибудь еще зайти погреться. Двери. Он начал ненавидеть двери. Кто их вообще придумал. Человеческая цивилизация была бы другой без них. Крутящиеся его не пускали вообще. Обычные иногда поддавались, иногда нет. Если удавалось попасть внутрь, кассиры, продавцы и охранники Костю не замечали. Его карточка считывалась, с вводом пин-кода было сложнее. Один раз повезло – кофе на вынос.

Константину казалось, что это какая-то болезнь. Вирус все свободнее чувствует себя в организме, а организму все хуже.

Он попытался просочиться в троллейбус. Он просто не мог сделать последний шаг. Ему никто не мешал. Просто как будто он перестал уметь заходить в троллейбусы. В трамваи. В движущееся. Пару дней назад Костя задумывался о самокате. Недорогом, складном, с большими колесами. Интересно – на нем получилось бы? Снаружи за невидимой тонкой стеной были люди, у которых было не то что хорошо. Нормально. Внутри он – человек, с которым что-то случилось.

В очередной раз попытавшись ввести пин-код и снова не дождавшись реакции, оценил расфокусированный взгляд кассирши и просто унес так и не оплаченную булку. В его состоянии обнаружились некие бонусы.

Город постепенно оживал. Только вот уже не спасало. Кажется, он стал хуже слышать. Сколько ни прислушивался, не мог разобрать ни слова. Совсем откровенно прислушивался к проходящим парочкам, одиночкам с телефонами. Было неловко, но Костя уверовал в еще одну беду – он глух. Осталось ослепнуть... он усиленно пытался не думать в эту сторону. Не получалось.

А еще за ним следили. Они не скрывались. Костя оборачивался, и никто не пытался отвести взгляд. Уставший ухоженный дедушка смотрел в переносицу, будто там что-то должно

было появиться. Моргнул – и будто и сам удивился тому, что так много времени потратил на незнакомца, стремительно обогнул Костю, рискуя выпрыгнуть на мостовую. Длинноногая девушка обогнала его, обернулась и так и шла спиной вперед, не сводя глаз, чтобы через несколько секунд очнуться и еле удержаться на ногах. Еще через мгновение она, так же как и остальные, перестала его замечать.

Разные люди. Только он чувствовал один и тот же прищур то ли реальной, то ли нет Лизы с немного расфокусированным взглядом и слишком широкими бровями.

Кофе остыл, булка кончилась. Костя шел в сторону негарантированного спасения. У спасения было имя. Настя. Константин Марков считал, что рядом с этой девушкой, учившейся на курс младше, все станет хорошо. Кто-то верит в мощи; почему бы не поверить в живую и симпатичную Анастасию – старосту группы?

Как это и положено для веры, никаких доказательств не требовалось. В истории отношений Анастасии и Константина не было даже поцелуя. Косте Маркову казалось, что вот те взгляды – они были не просто взгляды. Уже месяц как он знал ее расписание и пару раз пересекался с ней правильно – с продолжением в виде пирожных и кофе в пекарне у студенческой общаги. Сейчас у Насти заканчивался семинар – осталось дожидаться ее на выходе из главного корпуса.

Все должно было закончиться. Он так себе представил и пообещал. А пока – просто дойти.

До института Костя дошел уже несколько наигравшись – обнаружив, что двери перестали поддаваться. Вирус побеждал.

Эксперимент с институтским турникетом закончился предсказуемо. Электронный пропуск не подавал признаков жизни, а охранник, казалось, заинтересовался турникетом, но точно не Константином. Старый турникет был до пояса, но теперь поставили новый – не перепрыгнуть, не перелезть.

Холодно. Стоило не булку воровать, а что-нибудь с градусом. Константин представил себе флягу с каким-нибудь ядерным напитком, чтобы трудно глотать и одного глотка хватало надолго.

Вероятно, имело смысл идти на юг – через пару тысяч километров температура наверняка начнет меняться в нужную сторону.

Человек может жить при температуре выше 10 градусов тепла. Мерзко, но терпимо. Сегодняшние условные плюс два убивали так же надежно, как и минус тридцать. Просто медленно.

Найти теплое место. Сейчас ему было уже неинтересно, что с ним и почему. Сгреться бы.

Настя выпорхнула, будто материализовалась сразу на крыльце, вместе со стайкой подружек – им было тепло. Косте было холодно смотреть на девичьи коленки, не признающие холода. Что-то в женских ногах есть такое особенное – какие-то атомные батареи, согревающие в любой мороз. Пока их обладательницы совсем не вырастут.

Костя стоял и глупо улыбался. Потому как Настя шла, несомненно, к нему и улыбалась в ответ. Запоздало он вспомнил, что не запасся пирожными, его почти-девушка иногда напоминала ему цирковую лошадку, за сахарок готовую прыгнуть сквозь горящий обруч.

Настя прошла мимо. Она улыбалась просто так. Ей было хорошо. Даже если она заметила Костю, точно не узнала.

Город закрыл двери, превратил его в невидимку и пытался заморозить. Неумолимо. Теперь Константин вспоминал о том, как сам вышел из магазина, как о главной ошибке в своей

жизни. В конце концов, он мог просто стоять в тепле. Плевать где, но в теплом месте. Кажется, впервые он не особо озадачивался сломанными костями – холод пугал сильнее.

Где-то рядом должны быть теплотрассы, открытые двери или просто брошенные дома. Что-то должно быть. Большой город не может не дать шанс. Еще было бы неплохо найти спички.

Петербург, плюс два, один цвет – грязный. Костя шел в сторону – от. Так получилось. Все еще центр, только здесь не найти толпы шаркающих китайцев, туристические автобусы сюда заезжают только объехать пробку или припарковаться. Жилые дома уступили подслеповатым офисам с отсутствующими табличками и колючей проволокой на заборах. Кто-то всем этим владел и не хотел признаваться. Город подталкивал в знакомые повороты, в полужнакомые переулки, в знакомую только по названиям местность, пока он не оказался в каком-то безымянном «аппендиксе» – в такое «где-то рядом», странное «слышал, но никогда там не был».

Улица истончилась и внезапно закончилась, выведя на пустырь. Посредине возвышалась старая общага. Или нет – Старая Общага. С больших букв. Место, где никто не был лично, но каждый знал кого-то, кто то ли жил там, то ли с ним что-то случилось. Все логично – у него тоже что-то случилось. Кто-то о нем теперь скажет: «Видел Константина у Старой Общаги». Костя оглянулся – его никто не видел, и сказать будет некому.

Пустырь оказался больше, или это он так медленно шел. Общага упорно оставалась на одном месте.

Бежать получалось плохо – скользко, и сил уже осталось не особо. Тоже не помогло. Костя не знал, зачем и почему он это сделал, но сделал: он пошел спиной вперед. Попробовал «лунную походку» – а че, – все равно никто не видит. Развернулся. Общага оказалась уже шагах в двадцати. Семиэтажный маяк. Вместо прожектора – полная луна. Слепые окна, стены неопределенного грязного цвета. Как сделать дом таким, чтобы никто к нему не подходил? Строители Общаги справились с этой задачей.

Костя попытался дойти. Двадцать шагов – тут не может ничего привидеться. Нельзя ошибиться. Он шел, земля – она неодинаковая, каждый метр уникальный. Эти три круглые дырки – будто когда-то здесь ставили треножник – он уже видел. Переступал. Теперь наступил. Вот они снова. Двадцать шагов не заканчивались. Даже странно, насколько трудно признать, что работает то, что работать не должно. Делай как работает, как бы глупо это ни казалось. Спиной вперед. Не оглядываться, хотя и очень хочется. Шаг, еще... На этот раз сопротивление пришло, откуда не ждал.

Что-то не пускало его уже на совершенно материальном уровне. Упиралось в спину. Константин не сразу сообразил. Просто он дошел. И теперь изо всех сил пытался сдвинуть Общагу с места. Общага весила больше Кости и сдвигаться не хотела.

Не отрываясь от стены – мало ли как оно, – снова пятиться? – добрался до дверей. Чуда не случилось. Дверь то ли была не заперта, то ли была. Возможно, так же, как и все остальные двери в этой Вселенной, закрыта персонально для Константина. Можно было расслабиться и замерзнуть. Идти куда-то еще? И? Он просто сполз по стене – ноги гудели, руки ломило, зато спиной в стену, какая-никакая опора. Холодно, челюсть ныла, будто напоминая, есть что-то еще, кроме того, что он остался по другую сторону от всех. Больше идти было некуда. Константин задремал.

Скрипнуло. Костя не сразу сообразил, что это не в голове у него. От своей головы он вправе был уже ожидать чего угодно. Скрипнуло чуть левее – там, где он пару минут назад пытался открыть неоткрываемое. Двери.

– Попу отморозишь. – В голосе не было ни сочувствия, ни попытки как-то обидеть. Было бы нормально, если бы добавили: «Через 30 минут и 15 секунд». Что-то от голосового помощника было в этом голосе. – Добрался. Наконец. Заходи.

Вахтерша, наверное, это была она, зацепила Костю за воротник и одним движением подняла и развернула. Зашел он уже сам. Невежливо, не пытаясь пропустить вахтершу вперед. Кажется, от привычки пропускать вперед женщин он отучился напрочь.

Тепло. Тепло-то как.

И внутри тут было совсем не так, как снаружи. Никакой заброшенности и покинутости. В холле – варан. Наверное. Здоровущая ящерица. В аквариуме метров пяти длиной. Камушки, какие-то листики, травки. Немного не то, что ожидаешь увидеть в холле Старой Общаги. Костя присмотрелся. С аквариумом он немного ошибся. Стекла не было.

Глава третья. Дом с чудовищами

– Его выманили.

Как обычно, на месте преступления Петровский был весел и время от времени пытался что-то спеть. Акустика в люксе Four Seasons радовала. В этом номере вообще все радовало. Во всех пяти комнатах.

– Выманили? С чего бы?

Дарья старалась. Не испортить. Очень немолодой человек сидел, уткнувшись подбородком в кофейный столик, а перед ним лежали его пальцы. Человек был мертв, пальцы отделили от него еще при жизни. Потому что кровь.

Дарья Рыжкова, конечно, читала массу детективов, иначе как бы она оказалась в профессии. Когда что-то похожее случалось в книге, она просто ее закрывала, приходила в себя и смело дочитывала до конца. Сейчас ей тоже срочно нужно сделать паузу. Ей очень не хотелось представлять себя на месте жертвы, не хотелось, а получалось. И от этого было трудно.

– Он же практически в пижаме. – Петровский рукой в перчатке отогнул воротник рубашки, взглянул на ярлычок. – Есть старая мужская традиция – приятные, удобные вещи не выбрасывать, а переводить в домашние. В таких джинсах – с оттянутыми коленями, без ремня – на встречу не поедешь. Да и рубаха – дорогая когда-то, а сейчас – потертый воротник... дома носить – да, но точно не на выход... Могу поспорить, он сюда приехал на классическом шестисотом. Года три, в идеальном состоянии... конечно, черный.

– Василий Николаевич, тут на парковке «мерс»... – Полицейский взглянул на стол, пожалел, что вошел, и уже предпочел бы выйти.

– Черный?

– Кофе с молоком, шестисотый.

– Ну хоть шестисотый...

Петровский больше не напевал.

– Убийца – женщина. Очень сильная и странная.

– А женщина-то почему? – Ничего женского в смерти мужчины без пальцев Дарья увидеть не могла. – Его же удушили. Это не очень по-женски. Яд, наемный убийца, но пытка и удушение? У нее, наверное, бицепсы, как у меня голова.

– Удавили воротником. Никаких веревок, лесок – просто взяли и очень плотно зажали горло воротом любимой рубахи. А жертва даже не пыталась сопротивляться. Когда пальцы резали, тоже, кажется, не сопротивлялась. Странно...

– Ведьма, наверное, – полицейский судорожно сглотнул, – мне рассказывали. Они очень сильные. Я пойду?

– Его заманили, обездвигили и пытали. – Петровский опустил на колени, чтобы глаза оказались на одном уровне с глазами жертвы. – Только женщина может сложить из отрезанных пальцев цветочек.

– Я думала, это солнышко. – Даша присела рядом с Петровским, пытаясь представить, что видел убитый. – Вы правы, Василий Валерьевич, это цветочек. – И тут ей стало совсем плохо.

Петровский подхватил оседающего на пол младшего следователя, не отрывая взгляда от пальцев.

* * *

В окно стучал кто-то большой и сильный. Стекло уже должно было вылететь, но каким-то чудом держалось. Костя открыл глаза и вспомнил. Все равно до момента, когда его все-

таки впустили. В Общагу. И сейчас он был явно не там. Стекло снова отозвалось неприятным «дзень» – на грани с совсем уж неприятным «хрусть».

В стекла бросают камни, иногда в них быются ветки деревьев. Костя на цыпочках подошел к окну. Никакой камень не смог бы долететь сюда. Ни одно дерево не дотянется. То, на что он смотрел сверху вниз, было облаком, кажется кучевым. В Общаге было семь этажей, он сейчас был точно даже не на восьмом.

Выгнутые кирпичные стены, вместо крыши – купол, пять окон – по кругу. Все это очень высоко – он в башне. И в Петербурге такой башни нет.

– Налюбовался?

Сон продолжался. К башне прибавилась тележка с тостами, омлетом, соком, судя по цвету – апельсиновым, и с крошечной чашкой кофе. С совсем не крошечным запахом.

– Ешь. Одевайся. Тебя ждут. – Вероятно, неподвижность Константина внушила вахтерше необходимость выплюнуть еще несколько слов: – Не одет – не смущает. Меня зовут Кира. Потом объясню.

Последнее слово еще звучало, а Кира уже вышла. Сегодня она показалась Константину куда менее вахтершей – скорее офис-менеджером, и стройнее, и младше, и юбка чуть выше колен вполне себе подчеркивала, а не просто была.

Тосты с маслом и джемом оказались очень даже, омлет – вероятно, именно таким и должен быть омлет с беконом. По крайней мере в рейтинге Константина этот экземпляр пока занял первое место. Стало хорошо. Оказывается, от еды тоже может быть хорошо. Еда. С ней было что-то не так, и Костя только сейчас сообразил, что именно, – по всем раскладам, еда должна была ему даваться исключительно через боль. То есть – никак. Челюсть работала как новенькая. Открывалась, закрывалась. Ух ты!

Одежда с ночи, кажется, превратилась в себя же, но улучшенной версии – теплая, чистая и будто даже стала новей.

Рюкзак привычно лег на плечо, и Костя с опаской коснулся дверей. Если он все еще в том же кошмаре – лучше вообще не выходить, но... Дверь открылась, и Кира ждала его, вероятно, все то время, пока он ел и одевался.

– Вы нас покидаете? Уже? Куда?

– Не знаю.

То, что, скорее всего, по-прежнему некуда, крутилось в голове, но никак не укладывалось в жесткое понимание. Вероятно, это единственный дом, в котором ему не то чтобы рады, но хотя бы пускают. Другой бы промолчал, только не Костя:

– Кира, просто чтобы потом не было недоразумений, – денег у меня нет.

– Дальше.

– Завтрак был вкусным и... сколько этажей в этой башне? – Косте показалось, что-то мелькнуло за окном. – Утром что-то стучало в стекла.

– Завтрак как завтрак, но спасибо. Пойдемте.

Константина так и не отпустило чувство, что дышит он чем-то, с легкостью меняющим сознание. У Киры поменялся цвет волос. С русого на почти седой с неким оттенком лилового. Хотя, по сравнению со вчерашним, – это просто ерунда какая-то.

– С собой возьмите только книгу и стило, остальное оставьте в вашем номере – никуда не денется. – Кажется, у нее и нос немного поменял форму...

Косте очень захотелось перестать замечать и запоминать. Все-таки сон. Рефлекторно повторил:

– Оставить в моем номере. В моем. Вы же услышали, что денег нет?

– Вы идете?

За порогом Константин ожидал винтовую лестницу, лифт с кнопками от пола до крыши, в крайнем случае, длинную-длинную веревку. Его ждали варан и холл. Тщательно обустроенный кошмар. Скорее всего, он вчера попал в аварию и все еще в коме. Тогда все логично. Башня над облаками – первый этаж.

– Нам в кабинет.

Разумеется. Что будет видно из окон кабинета – дно океана? Варан мигнул. Наверное, здоровался.

В последнее время Костя несколько робел перед дверьми. На этот раз он даже не удивился, что та послушно открывается. Пугала табличка. Три слова: «Константин Марков. Комендант».

Хотя... – его просто приняли за другого. Это было даже лучше версии с комой, хотя объясняло все не так хорошо.

– Вас ждут.

Человек, ожидавший Константина, был не по размеру кабинета. И кабинет был не то чтобы крохотным. Просто это место было создано не для встреч. Не кабинет – скорее рубка, мостик, что-то от корабля или самолета: странный выгнутый стол, кнопки, рычажки, вмонтированные прямо в стол. Одно гостевое место. Не кресло – какая-то ниша между двумя шкафами. Оба заполнены абсолютно одинаковыми... – вероятно, настало время и Константину перестать называть этот артефакт блокнотом – книгами в черных шершавых обложках. Монолитным рядом на каждой полке.

Мужчина попытался встать, но решил лишний раз не протискивать свое тело вверх-вниз:

– Василий Петровский, старший следователь, Генеральная прокуратура.

Костя забрался на свое место. Кира заняла место позади справа. Кабинет Константину понравился – следователь мешал, но не особо. Коменданту не страшны никакие следователи. У него тут и без них – всякого разного интересного много. Три экрана демонстрировали подходы к Общаге. У черного «форда» курила миниатюрная девушка.

– Константин Марков... у вас что-то случилось?

– А у вас?

Худшее, что мог бы сейчас сделать Константин, это подробно рассказать, что и как именно у него случилось. Интересно, сколько минут пройдет, прежде чем к прокурорскому «форду» присоединится «газелька» из психушки.

– Понятно. – Петровский вытащил из-под ног портфель. Из портфеля конверт, из конверта фотографии. Все – долго и с трудом. Слишком мало места. – Не узнаете?

– Первый раз вижу.

Константин действительно никогда не видел этого мужчину. Но мог представить. Тип. Из тех, что с возрастом становятся значительнее и, кажется, только лучше. Такие говорят веско, злятся резко, но недолго, смеются заразительно, их любят женщины всех возрастов... Черт, он сам хотел когда-нибудь стать таким. Костя еще раз посмотрел на фотографии – надо было быть совсем не в себе, чтобы не заметить этого.

– Он мертв?

– Да, и умирал он долго и мучительно. Странно, что вы его не знаете.

– Почему бы это?

– Обычно, – Петровский попытался откинуться на спинку, но шкафы не дали ему занять более комфортное положение, – обычно люди знают тех, кто ездит на их автомобилях. Шестисотый «мерс», цвет – кофе с молоком – не припоминаете?

– Неа.

А еще Костя никак не мог припомнить небольшой домик в Италии и счет в швейцарском банке. Все-таки не кома. Его просто все с кем-то путают.

– Я бы запомнил, если бы у меня была такая машина. Хорошая... Я вот номер своей служебной помню. – Петровский решил помолчать, обычно помогало. Не сегодня. Константин был готов молчать сколько угодно. В тепле он вообще был способен на многое.

Петровский продолжил:

– Понимаете, этот человек приехал на вашем автомобиле, о котором вы забыли, в место, где его поджидали. Все, что у меня есть, – это документы на машину и показатели датчика GPS. Ничего интересного – вы, вероятно, автомобилем почти не пользуетесь. Судя по всему, преимущественно машина стоит в гараже. Кстати, где у вас тут гараж, я не заметил. Тут, вообще, у вас странное место...

– Заезд сзади, – Кира вовремя вступила в беседу.

– Понятно, а что у вас, вообще, тут такое? Вы в курсе, тут ящерица бегает?

– Это варан, – Кира и Костя ответили хором. – У нас тут приют, – на этот раз говорила только Кира.

– Хорошее дело. Точно не для бедных. Какой-нибудь фонд?

Петровский точно понимал – здесь странно, здесь что-то не то и не так. И парень этот, который не тянул ни на коменданта, ни даже на чьего-то сына. Пацан как пацан. А вот секретарь...

– Вероятно, машину угнали. У нас тут место пустынное, говорят, тут иногда волков видят... – Кира наклонилась к следователю и отчетливо клацнула зубами: – Собаки все пропали.

Клацанье следователя не впечатлило.

– У вас тут прямо заповедник. Волки, ящерицы... Люди еще не пропадали? Только собаки и «мерседесы»? А записей с камер нет?

– Камеры есть, записей нет. Вам пора. – Улыбка Киры была идеальной: вам рады, но не здесь. – Константин? – Кира явно ждала одобрения.

– Вам пора, – послушно повторил Костя.

Василий Петровский привык уходить вот точно не тогда, когда это понадобилось кому-то. Иногда, раньше, – оставляя начальство с невысказанной, но хорошо читаемой мыслью; часто, позже – выслушав все. На этот раз все было иначе. Тело работало само. Встало и пошло. Петровский попытался вцепиться в шкаф – рука даже не поднялась. Уже и ящерица не удивляла, и волки не казались такой уж фантастикой.

Визитку его собственная рука согласилась достать и кинуть куда-то в сторону отдаляющегося стола коменданта.

Тело начало слушаться старшего следователя только в машине.

– Что-то узнали? – Дарья ждала от старшего следователя сказки. Сейчас такое расскажет, что...

– Едем, у них тут волки водятся. – Петровский проверил, закрылась ли дверца. – Едем. Здание пробили? Что тут вообще?

– Это странно...

– Дай угадаю. Его просто нет в базе. И убитого тоже нет ни в одной базе. Несуществующий труп из несуществующего дома. Поехали. Мне просто необходимо оказаться подальше от этого места.

«Форд» мягко тронулся, Петровский попытался пристегнуться. Получилось не сразу. Даша листала в смартфоне, наконец дошла до нужного:

– Кое-что есть. Нет Общаги. Но в этом месте до войны был Дом с чудовищами. Ничего мистического – просто, когда его строили, а строили в начале двадцатого века, архитектор заключил пари, что сможет разместить на небольшом здании скульптуры тысячи уникальных чудовищ.

– Получилось? – Петровский точно никогда о таком доме не слышал, а вот отвязаться от чувства, что что-то такое видел, не мог.

– Пишут, что получилось, хотя дом небольшой был – пять этажей, но как-то смог... Во время войны дом то ли разбомбили, то ли взорвали, и, если верить городским базам данных, ничего не строили. Пустырь и пустырь.

– А волки и ящерицы среди чудовищ упоминаются?

– Надо посмотреть. – Даше стало интересно. Впервые она видела Петровского таким. Нет, все так же самоуверен и не похудел ни на грамм. А еще – напуган. – Давайте я получу ордер и попытаюсь понять, что тут вообще происходит.

– Давай, товарищ младший следователь. Покопай, почему нет? Хотя... Мой учитель – Семен Абрамович Миронов – как-то сказал мне: «Вася, если ты когда-нибудь окажешься в поле, а на горизонте волки – не думай, не сомневайся, просто беги». Дашенька, вот мне сейчас кажется, что мы очень вовремя оттуда уехали.

– У нас же убийство...

– Умер очень старый человек. Каждый день кто-то умирает.

* * *

Следователи уехали, а пустырь перед Общагой начал заполняться такси самых разных мастей.

– Это все очень странно.

Косте нравилось кресло, в котором он сидел, мониторы и бессмысленные рычаги и кнопки. Наверное, бессмысленные, иначе это было бы... Ему не хотелось ни додумывать, ни спрашивать. Ответы точно ему не понравятся. Вот и еще пара секунд прошла и ничего страшного не случилось.

– Константин Марков. Вы – комендант. – Кира выдержала паузу, достойную качественного театрального образования и десятилетий гастролей: – Здесь, в приюте, все делается так, как вы велите. Вы велели, чтобы следователь ушел, и он ушел. Вернее всего, он не вернется.

– Я велел только ему? Я такое видел только в фильмах про Нью-Йорк.

– Какое?

Костя ткнул пальцем в экран, столько такси. Только тут не все такие большие и желтые, как в кино.

Кира щелкнула красным рычажком, замотанным синей изоляцией, экраны выключились.

– Откройте вашу книгу.

Книга удобно улеглась на стол, словно это пространство между включателями-выключателями было сделано специально для нее.

– Да, для нее. – Кира то ли слышала мысли, то ли... – Иногда слышу. – Кира отработанным движением раскрыла книгу приблизительно посередине: – Смотрите.

Молочно-белые страницы начали темнеть, будто свет в кабинете спровоцировал процесс бумажного загара, а затем появились записи. Имя, иногда имя и фамилия, а рядом номер.

– Вероятно, вы слышали такое словосочетание: «домовая книга». Это она и есть. Жилец и номер его апартаментов.

– А в шкафах?

– Слева – архив, справа – будущий архив. В книге – все, кто нашел себе приют у нас.

– Черт... – Одна из фамилий оказалась зачеркнутой, потом еще одна... – Я ничего не делал. – Костя непроизвольно отодвинулся от книги.

– К сожалению, – Кира перевернула страницу – половина фамилий там уже оказалась вычеркнута. – Жители первых этажей съезжают. Вы же догадались, что человек, чью фотографию вам показывали, – ваш предшественник.

– Нет. Не догадался. Я думал, у нас документы совпадают...

– Не совсем так, но, поверьте, эти мелочи не стоят вашего времени. Скоро ваше место займет следующий комендант, а наши подопечные знают, что это беспокойное время.

– А чем я так плох? То есть не то чтобы...

– Это не важно. Но, пока новый комендант войдет в силу, они считают, что лучше держаться отсюда подальше. Кофе?

Когда Кира успела сделать кофе, было уже не так важно, но, не сдвигаясь с места, она умудрилась откуда-то из воздуха вытащить подносик с еще одной чашкой все того же одуряющего напитка.

– Я же правильно понимаю, они не меня боятся.

– Нет. Вы были бы неплохим вариантом, и вас опасаться не стоит. Но вот тот, кто придет за вами, это нечто особенное.

– А я?

– Вас убьют. Если вам интересно, в конце книги немного о нашем приюте. Думаю, вы как раз успеете прочитать. Многие душу отдали бы за такую возможность.

Константин открыл последнюю страницу: действительно – тут никаких списков не было. Было нечто иное, записанное аккуратным бисерным почерком.

История дома с чудовищами

Страшное. Почти всегда что-то незнакомое. Вероятно, где-то в генотипе жестко закреплено – от незнакомого держись подальше. Те, у кого сбоит эта настройка, пробуют огонь на ощупь, незнакомую ягоду на вкус – их мало, не жалко, если умрут.

Иногда незнакомым, а значит, страшным становятся не явления, а существа. Их мы называем чудовищами. Судьба каждого из них проста и коротка. Их убивают. Иногда это правильно.

Этот дом существует давно. Место выбирали как раз такое, чтобы никакому человеку не пришло в голову устроить себе здесь жилье. Наводнения, болота, невыносимо летом, плохо зимой – так думали основатели.

Прошло время, и этот дом оказался посередине огромного города на перекрестке маршрутов. Но, как и всегда, – он остается одним из немногих мест, где можно получить приют. Конечно, за плату. И конечно, у дома должен быть комендант. Человек, который обеспечит безопасность своим постояльцам.

Добро пожаловать, господин комендант.

Строчки потускнели и исчезли. Костя уже не удивлялся – для следующего коменданта эти строчки наверняка снова проявятся.

– Уйти я могу?

– Есть куда? И ты знаешь своего наследника. – Кира плавно двинулась к дверям: – Если включишь мониторы, ты ее увидишь.

– А я не могу просто ей отдать книгу – она просила.

– Мог. После того как ты добрался сюда, ты можешь перестать быть комендантом только в случае смерти. Причем, поверь, убить коменданта дано совершенно не каждому. Даже ему самому.

– Почему я?

– Потому что ты – Константин Марков, приют сам выбирает коменданта. Просто тебе немного не повезло. Твой предшественник был слишком беспечен. Лет через двадцать у тебя были бы шансы.

Костя включил мониторы единственным рычагом, назначение которого ему было известно. Конечно, у дверей стояла она. Лиза. Разумеется, босиком. С их последней встречи она выросла сантиметров на пять. Чтобы пройти в двери, ей придется наклониться.

А ведь наверняка у дверей есть замок, и, может, даже не один. Варан снова-таки.

Константин взял с пульта книгу и стилё, пошел в холл – умирать.

Глава четвертая. Комендант

– Это не так просто. Люди вообще считают, что убивать легко. Нет. Но главное даже не в этом. Поговорить не с кем. Стараешься-стараешься, а в результате – никто даже не узнает.

Порог Лиза не переступила. Пока.

– Сюда приезжали из прокуратуры, значит, кое-кто узнал.

За последние сутки Константин частенько занимался не самыми привычными вещами. Сейчас он пытался понять, как именно его убьют. Он не считал себя специалистом в этом, но пока не обнаруживал в довольно лаконичном наряде Лизы никаких признаков оружия.

– Что они там знают, ты не против? – Лиза явно собиралась зайти.

– А если я не разрешу, ты не зайдешь?

– Зайду – просто экспериментирую с вежливостью. Было бы лучше, чтобы ты вышел. Но я справлюсь, дай руку!

Следующие несколько секунд как-то выпали – вот Лиза берет его за руку, вот он в холле, а его руки за спиной, и на них что-то тяжелое и неприятное.

Варан госте не обрадовался, бесшумно смотался с неожиданной скоростью.

– Никаких сюрпризов, – констатировала Лиза. – Хорошее кресло.

Костя восседал на пуфике – таком, сантиметров двадцать от пола. Он всегда ненавидел эти... ну вот такие странные, неудобные – зачем они вообще такие? Лиза в кресле, которое в прошлой жизни явно было тронem в каком-нибудь небольшом королевстве.

– Я тебе все расскажу. Как в кино. Злодей все не может наговориться, и тут-то его и грохают. У меня все немного иначе.

– Потому что я тебя не грохну или ты не злодей?

– Костя, я, конечно, не злодей – я злодейка. А еще – я первая, кто рискнул связаться с комендантом. Я убила одного, я убью еще одного и буду здесь очень долго. Пока не надоест. Думаю, меня практически невозможно грохнуть, и уж точно не тебе. Секунду...

Дверь уже привычно скрипнула – в холл вошла Настя. Девушка шла, но с тем не самым приятным лицом, которое появляется у спящего. Сплюснутое подушкой, из уголка губ сочилась слюна.

– Это чтобы ты не решился на какую-то глупость. – Лиза щелкнула пальцами, и Настя, так и не открыв глаз, села – съехала на пол. – Пусть пока побудет здесь. Она тебе нравится – ох ты е! Серьезно? – Лиза аккуратно взяла одной рукой голову Насти и как-то совершенно по-собачьи понюхала девушку. – Ты что – не переспал с ней? Комендант, мать твою. И уже не переспишь. Или дать вам минутку? – Лиза попыталась смеяться, приблизительно так звучит кваканье десятка лягушек: – Что со мной?

– С тобой что-то совсем не так. А что у меня на руках?

– Наручники. Можно даже сказать кандалы. Ты же комендант все-таки, должна я как-то тебя нейтрализовать. Антиквариат. Бронза. Нравятся?

Даже с учетом того, что с ним уже все равно ничего плохого просто не могло успеть произойти, Косте не нравилось.

– Первый раз в наручниках – не с чем сравнить.

– Девчушка, совсем дитя. – Лиза отпустила Настю, та стукнулась головой о двери, но не издала ни звука – продолжала спать в полуприседе.

– Слушай. Дом с чудовищами, Старая общага, она же приют. Не важно. Общага сама решает, кто будет ее комендантом. Кто-то необычный...

– Я необычный?

Сейчас Косте необычность очень пригодилась бы. Было бы неплохо убивать взглядом, но и просто очень быстро убегать – тоже сгодилось бы.

– Можем считать, что уже нет. – Лиза поднялась, обошла Константина, проверила наручники и снова уселась в кресле. – Пришлось убить твоего предшественника. Расчет был на то, что либо следующей буду я, а если нет, то смогу забрать книгу у его наследника. Жаль – не судьба. На самом деле – и не должно было получиться, – но попробовать-то стоило? Книгу можно передать только добровольно – ни угрозы, ни воровство не помогут.

Оставалась одна лазейка. Если коменданта убить в приюте – прямо в Доме с чудовищами, – убийца получает все. Только именно здесь комендант – сильнее всего. Обычно. Но только не сегодня. Ты успел здесь только выспаться и выпить кофе. Твой предшественник и на порог бы меня не пустил... правда, ему от этого не легче. А я умница. До меня никто до этого не додумался. А всего-то и нужно было запланировать не один труп коменданта, а два. Знаешь, как я его выманила? В это почти невозможно поверить.

– И как?

Костя изо всех сил пытался прямо вот сейчас превратиться в идеал слушателя. Чтобы Лиза говорила и говорила. Пока бронза наручников не окислится и не распадется.

– Просто, Костя, очень просто. Я позвонила в приют, сказала, кто я, и попросила помощи. И он приехал.

– А кто ты?

Лиза придвинулась к Косте:

– Я Лиза, я же тебе говорила... И Лизе, чтобы убить коменданта – настоящего коменданта, – надо было стать сильной. Поэтому перед этим я нашла трех человек. Трех подходящих мне человек.

– А тебе не все подходят? – Костя думал о подвохе. Он готов был говорить с ней долго и о чем угодно, потому что только что нащупал то, что могло быть шансом для него и подвохом для Лизы. И даже вспомнил об одной своей практически суперспособности. Все, что ему было нужно, – добраться до книги. Сел он удачно – как раз на книгу. Или книга так удачно оказалась между ним и пуфиком. Только в наручниках все было не так легко. На самом деле было вообще никак.

– Э-э-э, Лиза, ты вампир? Находишь специальных людей, пьешь кровь и становишься сильнее?

Лизу передернуло:

– Какая гадость, Костя. Я нашла ведьму и двух колдунов. Полиция с ума сойдет, если попытается найти мотив. Хотя они даже не поймут, что тут вообще есть мотив. Они даже не мертвы. Просто в коме.

– А как именно ты усиливаешься? – Ему всего-то и надо было снять наручники и отвлечь Лизу.

– Просто. Ты не подходишь. И твоя подружка тоже. Зачем я ее вообще сюда тащила... а вот она... Вот так. – Лиза выбросила вперед руку, будто спиннинг закинула. – Я делаю это руками. Ты знал, что Кира всегда у тебя за спиной?

Костя сделал два движения. Резко выдернул руку из наручника – хрупкие кости послушно сломались, и рука выскользнула. Второй рукой, оставшейся в наручнике, вытащил книгу. Почти одновременно. Ему очень не хотелось кричать. Наверное, когда специально себе ломаешь кости, – это больнее. Не кричать не получилось. У него все-таки была суперсила – странная, но была.

Лиза замерла, вцепившись в ключицу Киры, а та стояла, будто вообще ничего не происходит, пока вдруг не сделала шаг назад и осталась стоять, как скульптура.

– Ничего себе. – Лиза стала еще крупнее. – Я чувствую себя все лучше. Как же хорошо. Кто она, вообще, такая? Она упадет или нет?

Как будто решив послушаться, Кира упала. Разбилась бы вдребезги, Костя не удивился. Крика Кости точно никто не слышал.

– Можно спросить? – У Кости в руках лежала книга, открытая на последней заполненной странице, сплошь перечеркнутые имена, только одно – последнее – вписано без номера. – Тебя и вправду зовут Лихо? – Левой рукой он старался не шевелить, а вот правой держал стило.

Странное косоглазие исчезло – теперь он видел ее такой, какой она и была.

– Как в сказках – Лихо Одноглазое, да? – У нее не было маленьких косящих глаз – один огромный левый, чуть заползавший на переносицу, и никаких намеков на правый. Вообще.

– Всегда есть подвох. – Кажется, она даже не расстроилась. – Этого я не предусмотрела.

– Я тоже не сразу сообразил. Но я же, пусть и недолго, но комендант. А ты вошла. А значит, появилась в книге. Это же в конечном счете – домовая книга. И я тебя из нее вычеркиваю.

Константин сделал одно уверенное движение. Перечеркнул имя.

* * *

Кира выжила. Даже в кому не впала. Постояльцы вернулись. Прибавился новенький. Лихо. Сило не убило ее. Даже не выбросило из Дома. В кресле сидела все та же страшненькая высокая девушка с жутким глазом. Только теперь она не могла ничего. Даже ходить. Костя нашел ей апартаменты на первом этаже. Кира о ней позаботится. Когда-нибудь Константин попытается ей помочь. Очень осторожно.

Настя почти сразу пришла в себя. На этот раз Костю она заметила, но хотела срочно оказаться там, где она могла мирно лежать, придавливая головой подушку, пускать слюну, и чтобы этого никто не видел. Ее можно понять.

Прошла неделя.

Косте нравилось в башне. Дом с чудовищами, как бы он ни назывался, делал для своего коменданта все, что мог. Омлет по утрам по-прежнему был великолепен. Семья легко вспомнила Константина и так же легко забыла о том, как его забывала. Тот факт, что теперь он живет отдельно, никого не заинтересовал.

У него осталось множество вопросов и огромная библиотека в его башне на первом этаже. Со временем он узнает многое. Он должен научиться защищать приют. Коменданты живут долго, если они осторожные и умелые.

Кира – всегда позади и немного справа. Если быстро обернуться, она сделает вид, что не ожидала этого.

– У меня два вопроса.

Поворот получился замечательным – зря, что ли, он его репетировал. Вращение в этой точке его номера между вторым и третьим окнами получалось особенно хорошо.

– Потому что я не комендант. – Кира традиционно отвечала не на слова.

– Ты могла остановить ее.

– Разумеется.

– Эта ящерица могла ее съесть.

– Вероятно.

– Она чуть было не убила тебя.

– Вероятность была крайне высока.

– И?

– Правила. Лимит нарушений был исчерпан при открывании дверей.

– То есть иногда...

– Это было несущественно, вы все равно попали бы в Дом. Я только сделала процесс менее мучительным. – Кира вздохнула, будто только что приняла для себя какое-то важное

решение, и вот теперь придется его озвучить: – Дом поддержит своего коменданта всегда. Всем. Кроме самого главного. Кому именно быть комендантом. Тут мы не помощники.

Костя по-прежнему не доверял дверям. Любим. И людям тоже. Он запомнил эти взгляды мимо.

– Хорошо. Вероятно, я когда-нибудь пойму, но доверять тебе пока не смогу. И варан... Надо его поменять на кого-то менее правильного. Допустим, ягуар – мы же можем завести ягуара?

– Определенно можем. – Кира скривилась так, будто ее только что попросили выбросить на мороз любимого котенка.

– Это не срочно. Второй вопрос. Что такого в этой Общаге? В этой должности? Семь этажей – даже с учетом моей башни, это не так уж и соблазнительно.

– Да.

– Да?

– Я вам покажу.

Кажется, варан что-то такое понял. В недолгом путешествии он изо всех сил изображал милого котика двухметровой длины. Потеря об одну ногу, перебежал к другой. Чтобы синяки смотрелись красиво и симметрично.

Путешествовали они к простенку в холле, который есть в любой приличной гостинице и будто специально сделан, чтобы поставить туда пальму или какой-нибудь точно никому не нужный столик... В этом простенке не было ничего, кроме чуть более светлого пятна на обоях. Вероятно, когда-то здесь висела картина, а потом почему-то висеть перестала.

– Приложите руку. – Кира абсолютно бескультурно показала пальцем на то самое пятно.

Если он сейчас коснется стены и его долбанет током, это тоже может входить в некий свод правил. И он обещал не доверять ей. Костя приложил ладонь.

Удар током его впечатлил бы меньше.

Больше не было холла, не было ничего, кроме бездны, полной огней. Этаж за этажом, десятки, а может сотни, – вниз и вверх: не рассмотреть, насколько далеко, не сосчитать.

Сзади, чуть справа от Константина, застыла женщина в белоснежных доспехах, и у ее меча не было ножен. Слева – огромный ящер, и в его глазах была ярость.

– Слово «комендант» означает – начальник крепости. И командир всех ее войск. – Голос Киры не изменился, Константин не уловил, шевелятся ли ее губы. Шевелились ли они хотя бы однажды?

– Вы мне тогда сказали, что уезжают жители первых этажей. Я тогда решил, что вы оговорились. Вы имели в виду...

– Разумеется. О первых семи этажах. Которые видны всем. Большая часть наших постояльцев не знают даже о том, что у нас есть комендант.

– Пожалуй, ягуар нам не нужен. Это было бы неуместно.

* * *

«Мерседес» цвета кофе с молоком припарковался у Общаги. Невысокая девушка решительно направилась ко входу. Константин встретил ее в холле. Варан не сдвинулся со своего места в как бы аквариуме.

– Он не кусается?

– Конечно, кусается. В этом и смысл. Как ваше дело, удалось найти убийцу?

Дарья Рыжкова выложила на столик ключи:

– Я думаю, вы знаете об этом деле больше меня. Дело сдали в архив, я просто вернула ваш автомобиль.

– Спасибо.

– Надеюсь, больше нам не придется общаться... хотя у вас тут забавно. И я так и не поняла, кто вы... – Варан повернул голову к гостье. Гостья замолчала.

– А давайте как-нибудь выпьем кофе, я знаю одно прелестное кафе...

– Непременно.

Младший следователь мерзла, но не прибавила шагу, направляясь к служебному «форду». Почему-то ей это казалось важно.

– Хорошая попытка, комендант. – Кира притащила варану целую корзину чего-то пока живого. – Вы знаете прелестное кафе...

– Даже телефон не решился попросить.

– Хотите ее набрать прямо сейчас, комендант?

– Пока нет, но... Кира, а у меня есть настоящая суперсила?

* * *

Три очень разных человека пришли в себя. Никто не заметил, как они исчезли из палаты интенсивной терапии. Они все еще были слабы, но точно не беспомощны. Каждого из них интересовало одно место в этом городе. Старая Общага. Дом с чудовищами.

Анна Коршунова Имя и мрамор

Оккультный кружок выпускного класса гимназии, в которой училась Лиза Вернова, носил гордое название «Перо и Ворон». Но на самом деле был лишь кучкой фриков, которые правила настольной игры принимают за книгу мертвых имен. Причина, по которой Лиза оказалась среди них, лежала смятым в ком клочком бумаги разыгранного фанта где-то на дне мусорной корзины. А Лиза теперь здесь, на кладбище, время – чуть за полночь и холодно.

Ну не то чтобы холодно – это ведь Питер. А в Питере все «не то чтобы».

Время от времени Лиза косилась на телефон в нервном ожидании звонков или сообщений. Она сказала Филиппу, что ночевать будет у Риты Голубевой, и это не то чтобы ложь – так, полуправда. Потому что до открытия метро ночевать ей все равно где-то придется. Но обманывать брата (разумеется, чтобы он не беспокоился) ей было совестно.

А теперь у нее еще и воображение разыгралось. Чувствовать на себе чей-то взгляд из темноты вполне нормально. Разве нет? В конце концов, разве не нервы пощекотать они сюда пришли?

Лиза резко обернулась. С намерением застукать, как на нее пялится кто-нибудь из одноклассников. Но никого за ее спиной не было, если не считать красивой статуи скорбящего ангела. Изваяние выглядело, будто его установили совсем недавно. Что странно – ведь они находились в старой части кладбища. Но покорило Лизу совершенно не это, а удивительно трепетное, едва уловимое чувство узнавания. Ее рука сама потянулась к гладкому белоснежному мрамору...

– Не моргай, – шепнули сзади с хрипотцой.

Лиза удержалась от изумленного вскрика и почти заехала шутнику в лоб, но тот удачно увернулся.

– Что ты нервная такая, Вернова? – Возмущенный шепот споткнулся о ее фамилию и превратился в бас.

Никита Голубев стоял... нет, нависал над ней со своими метр девяносто, а черная мантия свисала с его тощего тела, как со скелета. И только бордовые кеды да туповатое выражение лица выбивались из общего антуража их ночного приключения.

– Потусторонние силы не любят, когда к ним не проявляют почтения.

– А то, что ты собираешься заняться вандализмом, – это проявление почтения?

– Не вандализмом, а почетным ритуалом.

– С покрашенным черной краской для волос петухом.

– В книжке ничего не сказано, что петух должен быть брюнетом от природы, – фыркнул горе-окультист.

Лиза передернула плечами и отвернулась. Чтобы еще хоть раз она делала что-нибудь на спор! Если Филипп узнает, где она шаталась всю ночь и чем занималась... ну, кричать он не будет, конечно. Но стоило Лизе представить в глазах брата разочарование, у нее тут же холодели пальцы.

– Да что ты вылупилась на эту статую в самом деле! – На этот раз к ней подошла Рита, почти такая же длинная, как ее брат. Ее песочно-часовую фигуру не мог скрыть даже балахон.

Лиза не могла ответить. Вернее, произнести объяснение вслух. Но звучало оно примерно так: «Знаешь, по соседству с могилой родителей стояла красивая статуя. Лицо у нее было мужское, и все-таки выглядела она точно так же... вернее, ощущалась точно так же. Ты не чувствуешь? Разве тебе не хочется к ней прикоснуться?»

Но сказала Лиза другое:

– Давайте уже поскорее начнем. Холодно.

Услышав предложение, Никита всучил Лизе книгу:

– Держи, ты единственная, кто еще не выбрал себе ритуал.

Лиза скривила губы и пролистнула искусственно состаренные страницы. Все было таким нелепым, начиная от черного петуха и заканчивая яичными скорлупками. Она пыталась найти себе что-нибудь попроще и побезопаснее – на всякий случай. Лиза не была суеверной, но окружающие ее декорации и беспокойная совесть изрядно давили на впечатлительность. Ей было не по себе, тело покалывало, как будто она отлежала сразу все места.

Когда Лиза пролистывала книгу во второй раз, поймала себя на мысли, что ищет что-то конкретное. Что именно, она не понимала, но, если бы оно попало ей на глаза, мгновенно бы узнала.

Пролистнув книгу в третий раз, она ее захлопнула – резче, чем следовало, и раздраженно пихнула в руки Никите.

– Эй, не пытайся соскочить! – возмутился он.

– Я и не пытаюсь, просто тут все ерунда. У тебя есть перочинный нож?

– Нет, но у меня есть гвоздь.

– Не ржавый, надеюсь?

По выражению бледного лица Никиты Лиза поняла, что угадала. На выручку пришла Рита. Она протянула Лизе перочинный нож, маленький, похожий на зубочистку, со смешным девчачьим принтом. Но швейцарская сталь была швейцарской сталью – Лиза ощутила это подушечкой пальца.

Она покрутила нож-зубочистку в руках и, сама не ожидая от себя последующих действий, подошла к мраморной статуе почти вплотную.

«Нужно написать под лопаткой, – пронеслось у нее в голове. – Чтобы потом можно было легко спрятать».

Нагнувшись, Лиза нырнула под крыло статуи, включила фонарик на телефоне.

– Что ты делаешь? – послышался встревоженный голос Риты.

На мгновение Лиза застыла, задумавшись, что она действительно делает. Какая-то мистическая уверенность в нормальности происходящего улетучилась, и Лиза подалась назад. Задела плечом край крыла и заранее поморщилась в ожидании боли. Но боль не пришла, и Лиза вновь ощутила апатичную уверенность в своих поступках. Обнажив лезвие ножика, Лиза твердой рукой выцарапала под крылом статуи свое имя. По ее телу тут же разлилось приятное щеко-чущее тепло.

Лиза закатала рукав толстовки, сделала маленький надрез на ребре запястья и смочила выступившей кровью выцарапанное имя. Ветер не добирался до Лизы, укрывшейся под крылом статуи, но волосы девушки шевельнулись на макушке. Лиза пригладила растрепавшийся хвост и спрыгнула на землю.

– Что? – с вызовом бросила она товарищам. – Я свою часть выполнила, теперь ваша очередь. Кто будет резать петуха?

Как только Лиза это произнесла, ребята слышали пронзительный визг мигалки. Вся дерзкая бравада резко схлынула с лица вместе с краской. Ребята застыли в едином онемении, а затем – каждый за себя. Горе-окультисты бросились врассыпную быстрее, чем Лиза успела

вдохнуть. Она развернулась и также побежала прочь, мысленно коря себя за тупость. Что ее дернуло писать на могильном изваянии собственное имя?!

Ох, только бы этот позор не дошел до Филиппа! Сперва ноги были ватными, и от страха тело почти не слушалось. Но, добежав до края кладбища, Лиза почувствовала себя в безопасности. Никто не видел ее лица. Не пойман – не вор. А надпись выцарапана в укромном месте, не знаешь – так и не найдешь. Только переменив бег на шаг, Лиза поняла, что задыхается.

Никого из «друзей» поблизости не видать. Машин и прохожих тоже. Запоздало ей пришла мысль, что мимо просто проезжала скорая.

Лиза порыскала по карманам в поисках телефона, и ее сердце снова екнуло – неужели потеряла? Она ощупала себя и наткнулась на знакомую выпуклость в заднем кармане джинсов.

Надо заказать такси до дома. Что сказать Филиппу, она придумает, как-нибудь выкрутится. Сердце постепенно перестало колотиться в ушах, Лиза полностью успокоилась, только ежилась от холода. Назначенная машина подъедет через четыре... три минуты. Лиза нервно оглянулась в зеленую гущу кладбища, но ни разбежавшимся друзьям, ни блюстителям закона она была не интересна. Приложение сообщало, что машина подъедет через две минуты. И тут – шорох: кто-то все-таки ее нашел. Лиза выдохнула и напустила на себя как можно более невозмутимый вид. Но, обернувшись, миг потеряла напускное хладнокровие.

– Кто ты такая?! – пискнула она и, попятившись, ударила о паркующуюся рядом машину.

Искры из глаз... ну, это слабо сказано! Но боль как-то быстренько ретировалась, потому что... ну, потому что.

Таксист высунулся из окна и с невозмутимостью человека, повидавшего всякого, произнес:

– Девчонки, с такими штуками вам мини-вэн нужен, ко мне в салон не поместитесь.

Под «такими штуками» он, вероятно, имел в виду крылья. Значит, Лиза не спятила, и не только она видит девушку-статую. Девушка-статуя же, подбоченившись, стояла на тротуаре и разминала кисти рук. Ее лицо было повернуто в сторону Лизы, но разглядывала ли она ее или просто смотрела в ее сторону – понять Лиза не могла.

Потрясенной же выглядела она одна, таксист не повел и бровью, сочтя девушку-статую косплеером с фестиваля, – видели, знаем. Зевнув, он раздраженно напомнил о себе:

– Так что, заказ переоформлять станете или поедете одна?

Лиза моргнула раз, моргнула второй. Девушка-статуя никуда не исчезала, и каким-то подкожным чувством Лиза знала, что она улыбается.

Лиза потянулась за телефоном и переоформила заказ. Затем подумала: неужели она собирается поехать домой с этим... существом? Как на такую гостьюотреагирует Филипп? Что вообще происходит, в какую дикую историю она впуталась? Самая рациональная мысль, что все это глупый розыгрыш, вытеснялась из ее головы все тем же зудящим подкожным чувством.

Машина подъехала быстро, и девушка-статуя поместилась в салон без проблем.

– Сейчас прямо, потом направо, – голос девушки-статуи был глухим, как стук камней, но при этом было в нем что-то по-детски непосредственное.

Лиза заметила, как таксист хотел возразить, что адрес вбит и маршрут построен. Но, поймав в зеркале заднего вида взгляд (взгляд?) девушки-статуи, он передернул плечами и тронулся с места.

Лиза во все глаза таращилась на свою попутчицу. Попутчица же с интересом разглядывала мелькающие за окном городские пейзажи. То, что с интересом – Лиза опять-таки чувствовала.

Каждые минут пять Лиза открывала рот, чтобы заговорить, а затем захлопывала обратно.

– Теперь налево... направо, – только и говорила девушка-статуя, не отвлекаясь от созерцания города.

Когда они прибыли на место, таксист посмотрел на пассажирок с сомнением, но ничего не сказал. Только внимательнее взгляделся в лицо Лизы, как будто запоминал на случай, если ему придется опознавать ее по фотографии. И укатил, оставив их почти на пустыре рядом с не слишком лицеприятным домишкой. Старая Общага – что-то из разряда городских легенд, над которыми Лиза подтрунивала... видимо, до сегодняшнего дня.

– Ты ведь не собираешься меня тут убить и закопать? Или убить и съесть? Или просто съесть? – поинтересовалась Лиза почти истерично.

Девушка-статуя оглядела Лизу с ног до головы:

– В тебе не очень много мяса, мне кажется.

– Так себе шутка, – небрежно отмахнулась Лиза.

– Твоя тоже.

Лиза так и не поняла, что произошло, но ее отпустило. Она расслабилась. Девушка-статуя как будто повторяла Лизины интонации, словно они были лучшими подружками. Лиза ведь не станет никого убивать, закапывать или есть. Следовательно, бояться девушки-статуи ей тоже не стоит.

– Пойдем внутрь. За такими, как я, охотятся, а внутри безопасно.

Лиза с недоверием покосилась на дом. Он не производил впечатления места, которое можно охарактеризовать словом «безопасность».

Но занятно другое: откуда статуя, ожившая каких-то полчаса назад, знает, где безопасно, а где нет?

– Ну и что это за место? – Если Лиза ввязывалась в неприятность, она должна знать, сколько эта неприятность будет ей стоить.

– Я и сама точно не знаю, – поразительно, как быстро девушка-статуя училась разным интонациям, – сейчас она говорила смущенно-извиняющимся тоном.

Ха! Сама непосредственность.

– Как тебя зовут? – резко сменила тему Лиза.

– А как бы ты хотела?

Почему-то этот вопрос очень смутил Лизу, она нахмурилась, но девушка-статуя опередила ее с ответом:

– Аделаида! Называй меня Аделаидой!

Лиза не удивилась. В детстве она обожала это имя и просила всех называть ее именно так.

Внутри все оказалось... не так, как снаружи. Как будто здесь и правда кто-то обитает. Лиза вылупилась на варана в аквариуме без стекла, но Аделаида взяла ее за руку и потянула в сторону лифта.

Выйдя из кабины, Лиза чуть не задела контейнер с краской. Стены длинного (отельного) коридора были все в побелке, и характерно пахло ремонтом.

Аделаида уверенным шагом направилась вперед по коридору мимо новеньких дверей, не отмеченных ни номерными табличками, ни дверными ручками. Они были гладкими, серыми и вызывали неприятную ассоциацию с надгробными плитами. Только на одной из них был выбит номер – «54».

Девушка-статуя остановилась напротив нее. Лиза с сомнением покосилась на вставленный в замочную скважину ключ.

Если бы они были в комиксе, Лизу бы давно раздавило количеством вопросительных знаков над ее головой.

Внутри все было чисто, как после качественного ремонта. Запах краски не бил в нос, как в коридоре, – окно было открыто нараспашку. Лиза хотела подойти к окну и посмотреть,

не попала ли она случайно в какой-нибудь карман пространства и времени, но Аделаида ее опередила и закрыла окна.

– Здесь так пусто, – сказала Лиза, лишь бы что-нибудь сказать.

Когда они остались один на один, Лиза поняла, что... нет, она не боится, даже чувство тревоги ее покинуло. Остался только дискомфорт от чувства нереальности происходящего. Все тело немело, как будто намекая: «Ущипни себя, и мы проснемся». Но ничего не происходило, Лиза по-прежнему стояла напротив девушки-статуи в побеленной комнате старого дома, который (ха-ха) внутри больше, чем снаружи.

– Пусто, – согласилась Аделаида извиняющимся тоном, – как и у меня в голове. Наверное, потому что у меня пока что не хватает воображения.

– То есть это место может меняться по твоему желанию? – с сомнением переспросила Лиза.

– Понятия не имею, – Аделаида пожала бы плечами, но эта часть ее тела была еще скована. – Поживем – увидим. Ты ведь мне поможешь?

– В чем именно? – Лиза не была уверена, что хочет знать ответ на этот вопрос.

– Во всем, – ответила Аделаида, словно это было само собой разумеющимся.

Девушка-статуя подошла к Лизе вплотную и положила мраморные руки ей на плечи. Лиза вздрогнула – от статуи повеяло стылým кладбищенским воздухом.

– Ты меня оживила, и я для тебя теперь вроде как младшая сестра. Или старшая? Выбирай, как тебе нравится! Ты теперь за меня в ответе – люди ответственны за то, чему дали жизнь.

Лиза засомневалась, но согласилась.

Утро было промозглым и свежим после проливного дождя. Лиза – помятой и невыспавшейся. В экстремальных условиях она спать не привыкла. Что касалось комфорта, Лиза была стопроцентным комнатным растением. Мягкая постель или хотя бы кушетка. В комнате Аделаиды не было даже одеяла.

Школьный рюкзак она предусмотрительно оставила у Риты – интересно, они с братцем догадаются его захватить? Лиза достала телефон, чтобы набрать горе-подружку, но затем серьезно задумалась. Страшный недосып и нудная математика, а дома теплое одеяло и подписка на стриминговый сервис. Только сперва нужно кое-что разведать. И вместо контакта «Мастер Маргарита» Лиза нажала «Филипп». Через два гудка вызов был принят.

– Ты рано, лисенок, – низкий ласковый голос брата отозвался в душе Лизы яркой радостью. – Не спали?

– Ну что ты! – Лиза издала нервный смешок. Пусть лучше считает, что она всю ночь развлекалась с подругой, а не шлялась по кладбищу и оживляла ангелоподобные статуи. – А ты где?

– Стою в пробке на мосту, кажется, впереди авария, – Филипп звучал так привычно и обыденно, что Лиза засомневалась, а не было ли ее ночное приключение странным сном. И он работает не дома. Значит, можно...

Как будто прочитав ее мысли, Филипп продолжил – его голос окрасился насмешкой:

– На плите остатки пасты, убери в холодильник, если не доешь.

– Ну не знаю, может, все испортится к моему приходу после школы, – протянула Лиза, тоже насмешливо. Они друг друга поняли. – Филипп?

– Да?

– Я тебя обожаю.

– В честь чего это? О, и правда авария. Мне пора, до вечера, лисенок.

Лиза облегченно вздохнула – выживать весь день в школе не придется. Домой в душ и спать...

Она не сразу заметила одну-единственную припаркованную машину. Ну... что тут такого, с другой стороны? Разве тут не может быть кого-то из постояльцев? Лиза огляделась по сторонам, пытаясь вспомнить, с какой стороны они вырулили вчера из города и долго ли ей придется шлепать до ближайшего метро. Зарядки на активное использование навигатора у нее не хватит, а портативный аккумулятор остался в школьном рюкзаке.

Поломавшись, Лиза снова поглядела на припаркованную машину. Черный агрессивный представительский класс – на таких маньяки не ездят, разве что извращенцы. Лиза двинулась в ее сторону. Стекло со стороны водительского сиденья опустилось. Молодой человек за рулем посмотрел на Лизу озадаченно, если не сказать – растерянно.

– Ты чего? – Лиза не ожидала такого выражения лица, поэтому тоже несколько растерялась.

Незнакомец выглядел слишком молодо для такой машины, так что это либо чей-то водитель, либо богатенький сынок.

Он оглядел Лизу с ног до головы, с пристальным вниманием, от которого ей стало не по себе. Нет, не потому что на нее пялились. Он как будто прикидывал, ну... сможет она кого-то убить или нет. Из тех ли она людей, кто подвывается на всякую фигню, или нет. В общем, какие бы вопросы он ни поставил у себя в голове, они однозначно обзавелись плюсиками.

– Просто не ожидал, что ты сама ко мне подойдешь, – сказал он на ломаном русском. Иностранец. Чех? Поляк? Лиза была не сильна в распознавании акцентов. А вот новую неприязнь она смогла распознать на раз. Выходит, он все-таки не просто так тут стоял. – Садись, скоро дождь соберется.

Лиза напряглась. Что, если развернуться и добежать до дверей? Это странное общежитие пустит ее обратно? А ее гипотетического преследователя? Есть ли кто в округе, кто сможет прийти на помощь, если она закричит?

– Мне нужно с тобой поговорить, я не стану делать ничего дурного.

– Иными словами, я могу отказаться и мне за это ничего не будет? – уточнила Лиза.

– Отказаться ты не можешь. Садись в машину, – отрезал он и добавил уже чуть мягче: – Пожалуйста.

Какой вежливый похититель! Лиза плюхнулась на место штурмана. В салоне работал кондиционер, несмотря на то что на улице было не жарко.

– Ничего не знаю, – сказала Лиза и скрестила руки на груди, решив сразу идти в отказ.

– Но я ведь еще ничего не спросил, – удивился «похититель» – его акцент придавал интонациям голоса подкупающую беспомощность.

– Тем более ничего не знаю.

– Хочешь где-нибудь позавтракать?

– В меня по утрам и крошка не лезет, – соврала Лиза.

– Кофе?

– Изжога.

Он не стал продолжать. Убрал ногу с тормоза и медленно выкатился на дорогу. По близости не было ни души, но он все равно включил поворотник. Вежливый водитель.

– Ну и? – Лиза не выдержала первой. – Если это ритуальное похищение невесты, то ты ошибся девушкой.

– Мне нужно знать, что вчера произошло на кладбище. Это ты оживила статую? Как ты попала в ее убежище? Я целую ночь пытался проникнуть внутрь.

Лиза рассмеялась. Получилось только чересчур театрально – даром она ходила в драмкружок в седьмом классе.

– Ты себя слышишь?

«Похититель» бросил на Лизу укоризненный взгляд. Что-то вроде «ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь».

– Ты тоже из этих психов-окультистов? – Лиза решила незаметно съехать с темы.

– Нет.

– Масон? Иллюминат?

– Если ты выпарапала на мраморе свое имя, у тебя большие проблемы.

– Большие проблемы начнутся у тебя, если ты не высадишь меня у ближайшего метро, психопат!

Ей показалось или ее нападки его немного смутила? Он поморщился и снова кинул на Лизу изучающий взгляд.

– Я довезу тебя до метро, – согласился он. – Мне казалось, с такими людьми, как ты, будет проще разговаривать.

– С какими – такими?

«Похититель» замолчал, наверное, подыскивал правильное выражение. Лиза не стала его торопить и незаметно переложила телефон, чтобы легче было до него дотянуться. Ее манипуляции не остались незамеченными, но собеседник ничего не сказал по этому поводу.

– С теми, кто уже столкнулся с неординарным. Об этом ведь не так просто кому-нибудь рассказать. Я думал, ты будешь, самое меньшее, озадачена...

– Я озадачена! – гневно перебила его Лиза. – Потому что пока что это все похоже на похищение! Но я, так уж и быть, постараюсь забыть номер твоей машины, если ты высадишь меня немедленно!

– Ты сказала, тебя нужно подвезти до метро.

– Я передумала, – фыркнула Лиза и, когда «похититель» начал сбавлять скорость, махнула рукой: – Ладно уж, до метро так до метро. Но не разговаривай со мной больше! Я боюсь умалишенных.

– Можно я хотя бы представлюсь?

– Нет.

– Если тебе нужна будет помощь...

– Нет! – пискнула Лиза почти истерично. Она отвернулась к окну и сильнее вжалась в сиденье, как будто это могло сделать ее менее заметной.

Уже стоя на эскалаторе, считая собственное сердцебиение, Лиза подумала, что вела себя не очень нормально (хотя насколько нормально можно вести себя в такой истории?). Она нутром отвергала контакт с новым знакомцем. Точно так же, нутром, ее влекло к Аделаиде.

Могли ли эти обстоятельства быть связаны между собой? Если да, то в какую историю она влипла?

На следующий день в школе случилось то, что случилось. Кто-то проболтался о вылазке кружка «Перо и Ворон» на кладбище. Разумеется, беда Лизу не обошла стороной.

Филиппа редко вызывали в школу. Хотя Лиза и не была пай-девочкой, она изо всех сил старалась, чтобы ситуация не выходила из-под контроля. Но в этот раз на ее стороне не оказалось ни красноречия, ни госпожи Удачи.

Брата вызвали сразу, без посредничества Лизы, поэтому у нее не было шанса объясниться. Да и как тут объяснишься?

Когда Филипп вошел в кабинет директора, Лиза не стала оборачиваться: ей было стыдно.

Директриса чинно поприветствовала его. Лизе было сложно представить, каково это – видеть в своих бывших учениках взрослых людей. Ведь Филипп сам вырос за этими партами, и рос, говорят, не самым прилежным образом. А теперь посмотрите на него: курица-наседка для непутевой сестрички, да еще и в люди выбился.

Филипп прошел в кабинет директора и занял место подле Лизы. Он не щелкнул игриво ее по плечу, как делал обычно. Встревоженный воздух донес до обоняния Лизы едва ощутимый знакомый одеколон. Обычно это означало «спокойствие». Теперь это была «тревога».

Лиза не выдержала и бросила на Филиппа затравленный взгляд. Его профиль – правильный, благородный (а ведь Лиза помнила его прыщавым подростком, как и седовласая женщина, сидящая напротив них). Цепкий взгляд ярких серых глаз (насколько вообще могут быть яркими серые глаза) был направлен на директрису и представлял человека, который готов к конструктивному... нет, не диалогу. Торгу.

Усевшись на переднее пассажирское сиденье, Лиза вяло натянула ремень безопасности. – Сердишься? – Она искоса поглядела на брата.

Филипп ответил не сразу. Отрегулировал зеркала заднего вида (дольше обычного). Монотонно защелкал поворотник.

– Не сержусь, лисенок, – сказал он наконец ласково. – Просто расстроен. Я полагал, что смогу избежать всех ошибок взрослых.

Они тронулись, а затем молчали целых два поворота. Лиза не знала, как оправдаться, да и нужно ли было вообще оправдываться? Просить прощения? Сделать вид, что ничего серьезного не произошло, и попытаться разговорить брата на другую тему?

Лиза приоткрыла рот, но, взглянув на сосредоточенное лицо Филиппа, тут же его закрыла.

И тут ее прорвало. И чем дальше заходил ее рассказ, тем бредовее он звучал для самой Лизы. Когда она говорила, то сама себе не верила. Потому что... потому что сама не могла проследить логику своих поступков. Почему она пошла на кладбище вместе с этими придурками? Почему выбрала именно этот ритуал – ведь его даже не было в той дурацкой книге. Как она вообще додумалась выцарапать собственное имя под крылом у статуи, да еще окропить ее своей кровью?

Филипп был крайне аккуратным водителем, поэтому, когда он резко ударил по тормозам, Лиза не удержала удивленного вскрика. На мгновение ее оглушил возмущенный сигнал позади следовавшей машины. Он же и привел Лизу в себя. Ну вот, приехали. Теперь они отправятся не домой, а в лечебницу.

А брат тем временем смотрел на нее, как будто впервые в жизни увидел.

– Ты ведь не подшучиваешь надо мной? – спросил Филипп, едва ли не с детской обидой.

Лиза остро ощутила нехватку обращения «лисенок» и, сглотнув, покачала головой.

– Хорошо. Тогда диктуй адрес этой... Общаги.

– Зачем это? – растерялась Лиза. Реакция брата сперва ее успокоила, но теперь она ощущала необъяснимую тревогу. Зачем ему видеть Аделаиду? Чтобы убедиться, что Лиза не врет? Нет-нет, ведь он только что ей безоговорочно поверил. Чтобы... что? Под сосредоточенным взглядом Филиппа она стушеввалась. – Я не запомнила адрес. Но, кажется, я помню дорогу.

Лиза понятия не имела, как отнесется Аделаида к внезапному гостю. Они не обсуждали такое. В смысле это подразумевалось само собой: ожившая статуя, которую Лиза должна скрывать и оберегать ото всех. Позднее бы наверняка выяснилось их особое предназначение и прочая и прочая. А теперь о ее существовании знает не только Лиза, но и Филипп, и тот странный парень.

На самом же деле это было ужасно трудно – держать в себе такие секреты. Невольно начинаешь задумываться, а все ли хорошо с твоей головой. Ведь друг, о котором знаешь только ты, – воображаемый друг. Лизе очень не хотелось сходить с ума, притом так, чтобы об этом никто не знал. Даже Филипп... особенно Филипп. Уж лучше вовремя обратиться к специалистам.

Но реакция брата была потрясающей. От слова «потрясение». Лиза всегда знала, что он ей доверяет, но чтобы настолько!

– Аделаида? Это я, – Лиза постучала в номер «54». Дверь распахнулась резче, чем Лиза ожидала.

– А я все гадала, придешь ты или нет! – певуче протянула Аделаида и втянула Лизу внутрь. Кажется, она попыталась сделать это нежно, но девушке почудилось, что в каменной хватке у нее треснули кости.

Аделаида так и светилась от счастья. Насколько подобное выражение применимо к статуе, разумеется. Ожившей статуе. Она была выше Лизы примерно на голову, лицом красивее как минимум в три раза и с такой ангельской статью, что девушке невольно становилось не по себе. От Аделаиды буквально исходили волны восторга, доброжелательности и одухотворенности.

Единственное – что-то в ее облике изменилось. Лиза застыла на месте.

– Честно говоря, я думала, что умру тут со скуки, – призналась Аделаида, и Лиза узнала в ее голосе собственные интонации.

Когда она повернулась к Лизе спиной, девушка уставилась на два неровных скола у статуи на лопатках – Аделаида обломала себе крылья. Только тогда Лиза заметила, что комната, в которой она находилась, была больше похожа на мастерскую резчика по камню, нежели на скромную комнату в общаге.

Куски мрамора были разбросаны повсюду, но Аделаида обращала на них внимание ровно столько, сколько бы Лиза на выдернутые расческой волосы.

Заметив изумленный взгляд подруги, Аделаида фыркнула:

– Ну не всю же жизнь я буду сидеть запертой в четырех стенах! Только представь, что будет, если я выйду в мир с крыльями за спиной.

То есть что она каменная с ногтей на ногах до самой макушки, ее не беспокоило? Только крылья? Серьезно?

– О-о-о, а кого это ты с собой привела? – Лиза почувствовала, как Аделаида напряглась, словно кошка, ожидающая нападения сильного хищника. Отвратительное ощущение, но Лиза как будто напряглась вместе с ней.

Они стояли в молчании достаточно долго. Достаточно, чтобы заметить, что настороженность Аделаиды по отношению к Филиппу меняется заинтересованностью. Достаточно, чтобы почувствовать себя третьей лишней.

– Ты, должно быть, Филипп? – Статуя первая прервала ужасающую тишину. – Лиза про тебя рассказывала.

Дежурная фраза – дань вежливости – показалась Лизе наглой ложью.

– Аделаида, – сказал брат, и статуя прикрыла глаза, как будто ее только что благословили.

А затем к Лизе как будто подобрался злой великан и стукнул девушку по голове. Это случилось, когда Филипп повернулся к ней, как будто только что вспомнив о ее существовании:

– Лиза, оставь нас одних ненадолго.

– Что?

– Ты меня слышала.

– Но это бессмысленно! Я ведь... мы ведь пришли вместе! Я ведь тебе ее показала! – Лиза отдавала себе отчет, что ведет себя как расстроенный ребенок, которого выгоняют из комнаты из-за взрослого разговора.

Филипп бросил на нее совершенно незнакомый взгляд. Так он на нее не смотрел даже в далеком детстве, когда грозился сдать в детский дом.

Лиза повиновалась, съежившись, утопила голову в плечах. И вышла в пахнущий ремонтом коридор.

Минуты тянулись как на экзамене в ожидании результатов за тест. Сперва, гонимая чувством несправедливости и великой обиды, Лиза хотела подслушать разговор брата и статуи. Но стены оказались толстыми, не в пример большинству современных новостроек. Так что единственное, что ей оставалось, – отмерять расстояние от лифта до дальней стены.

Когда Филипп позвал сестру обратно в номер, Аделаида посмотрела на Лизу, как кошка на открытую банку с консервами.

– Мы с твоим братом сошлись на мнении, – пропела Аделаида, – что ты должна нести ответственность за того, кого оживила.

Лиза вопросительно изогнула бровь.

– Я о крови, которой ты меня питаешь. Раз уж Филипп узнал о нашей с тобой связи, мне стоило спросить у него разрешения. И он позволил тебе быть моим донором. Разве не замечательно? У меня есть право жить, и очень скоро мы станем сестрами!

Что за бред?!

Лиза резко обернулась к Филиппу, но тот лишь повел плечами:

– Я подожду тебя в машине.

И был таков. Лиза хотела тут же пуститься за ним следом, но Аделаида тихонько кашлянула. Этот звук привел девушку в чувство.

Разумеется, как она могла забыть? Ведь всего минуту назад ее ткнули в это носом, как собачонку.

Стянув с плеч рюкзак, Лиза с неохотой достала перочинный нож, который так и не отдала Рите Голубевой. Она провела ножом по коже – аккуратно под первой раной.

Домой с Филиппом Лиза ехала в гробовом молчании.

Ночами Лизу стали посещать тревожные сны. Наутро их содержание она плохо помнила, к счастью. Но вот чувство необъяснимой тревоги посещало ее все чаще.

Поэтому синяки у нее под глазами становились заметнее. Рукава рубашек с кофтами – длиннее. Несмотря на то что в Питер заскочили жаркие деньки, Лиза не могла позволить, чтобы кто-нибудь увидел ее порезы. А их становилось все больше.

Каждый раз Лиза задавалась вопросом, почему она режет себя именно таким образом? Стройным рядком, будто засечки на стене, подсчет дней. Не теребит старые порезы, не высекает их на менее заметных местах. Той же логике она наверняка следует, когда изо дня в день приходит в Общагу навещать Аделаиду. А логикой этой зовется чужая – каменная – воля.

– Спасибо!

Лиза удивленно моргнула и вскинула голову. Из глубокой задумчивости ее вывел певучий голос статуи.

Она стояла посреди комнаты в платье насыщенного синего цвета. Поскольку наряд был с Лизиного плеча, платье новой обладательнице оказалось слегка коротковато. Но та, кажется, была только рада посветить длинными молочно-белыми ногами, с каждым днем приобретающими всю большую гибкость.

– Пользуйся, – сказала Лиза без особого энтузиазма. Ей захотелось бросить нечто колкое, мол, все равно она эту тряпку не носит, хоть так пригодится. Но нет – это было ее любимое платье.

Комната, которая раньше выглядела ничуть не лучше побеленного холла, стала приобретать очертания и индивидуальность. Находиться в ней было одновременно приятно и омерзительно.

На самом деле все Лизе здесь импонировало, начиная от светло-бирюзовых стен и заканчивая пузатыми кружками из «Старбакса». Аделаида деликатно заимствовала (воровала) ее вкусы. Здесь еще не висели постеры любимых сериалов и не валялись корешками вверх кол-

лекционные издания графических романов. Быть может, эту часть Лизиной личности она забирать и не собиралась, так как считала наименее ценной? Что ж, тогда Аделаиде не много останется: жизнь гика полностью ему не принадлежит, а кочует от фандома к фандому.

Но должно ли это волновать Аделаиду? У нее ведь теперь был Филипп.

И осознание именно этой беды Лизу и уничтожало.

Она поняла, что крах пришел несколько дней назад. Тогда она впервые застала Филиппа здесь, у Аделаиды. Застала – звучит так, словно она застучала их за непотребством или в постели.

Красивая спина Аделаиды была обнажена, а Филипп со знанием дела отшлифовывал безобразные неровные выступы – остатки отломанных крыльев. И вроде бы – что в этом такого? Но Лиза ощущала, как будто присутствовала при каком-то откровении.

– Ну что ты куксишься, как шестилетка? – С неприсущей каменному изваянию плавностью Аделаида присела рядом с Лизой, закинула ногу на ногу. Так, что даже Лиза не смогла удержаться от взгляда на слегка приподнявшуюся юбку. – Неужели ты ревнуешь, что в вашей с братом жизни появился кто-то третий?

– Ревную, – честно призналась Лиза. – Но не в этом дело.

То, что она произнесла, стало открытием для самой Лизы. А вот Аделаида, кажется, не повела и бровью. В ее белесых глазах плескался восторг и предвкушение. «Ну же, скажи это вслух, дурочка, облеку свои страхи в реальность» – говорил этот взгляд. Лиза тряхнула головой и поднялась. Достала нож и сделала порез, новый – возле локтя.

– Филипп заедет ко мне после работы, – крикнула Аделаида ей вслед. – Думаю, ты можешь не ждать его сегодня к ужину.

Мраморная стерва была права. Филипп не приехал даже к самому позднему времени, к которому он возвращался с работы.

Лиза минут пятнадцать сидела с набранным, но не отправленным сообщением: «Ты где? Ждать к ужину?»

Какой она покажется – наивной или упрямой? Ведь ясно же, где он. И ясно, что к ужину ждать не стоит. Она откинула в сторону телефон, так и не нажав на «отправить».

Лиза разжарила пельмени, отпивая колу из горла двухлитровой бутылки. Есть ли смысл соблюдать приличия – все равно никто ничего не скажет.

Пережевывая подгоревшее тесто, Лиза долго выбирала сериал. Затем взялась за джойстик, вошла в игровой магазин и принялась искать, на что можно потратить деньги. Не удовлетворившись, она покосилась на стопку купленных и не прочитанных книг, но и эти «сокровища» ее не впечатлили.

В конце концов Лиза заварила чай и, укутавшись в плед, уткнулась носом в диван. Да так и уснула.

Сон ей снился нехороший, если это был вообще сон. Лиза проваливалась в тревожные воспоминания.

Ей пять, и она лежала на этом же самом диване. Только сейчас она ждала возвращения Филиппа настолько сильно, насколько раньше его боялась.

Прошел примерно месяц с похорон.

Лиза перестала сбегать под крыло статуи с соседнего надгробья.

Она не нужна была брату – за шестнадцать лет он привык быть единственным ребенком в семье. Его эгоизм, надменность и пренебрежительное отношение к младшей сестре кое-как держались на поводке родителями. Но после их смерти поводок порвался, и то, что делало их семьей, рухнуло как карточный домик. Сбыть ее с рук? О, Лиза до сих пор не сомневалась, что он мог это сделать! И сделал бы. Если бы... если бы не...

В одну ночь все изменилось, как по щелчку. Уснув однажды на диване, проснулась Лиза в своей постели, заботливо укутанная в одеяло. С кухни были слышны вкусные запахи.

С тех пор Филипп ни разу не поднял на младшую сестру ни руки, ни голоса. И речи об устрашающем детском доме больше не заходило никогда.

Проснувшись, Лиза не хотела открывать глаза. Надеялась, что, как и в детстве, чудесным образом окажется в кровати. Но реальность была яркими солнечными лучами в окна гостиной.

Лиза лениво скатилась с дивана и прислушалась к звукам в квартире. Затем на цыпочках подкралась к комнате Филиппа и заглянула внутрь. Кровать была идеально заправлена: либо он не приходил, либо приходил, но рано ушел. Лиза бросила взгляд на часы. Еще одно открытие с утра пораньше: она безбожно опоздала в школу.

Что ж, и стоит ли в таком случае торопиться?

Лиза долго провозилась со сборами. Не то чтобы она действительно решила прогулять занятия, просто так вышло (футболка сама себя не погладила, спонжи для тональника затерялись на дне косметички, сыр оказался низкопроцентным и плохо плавился в микроволновке).

Когда Лиза все-таки вышла из дома, то поняла, что в школу все-таки не попадет.

Прямо у ее парадного – наглость какая! – стоял тот самый псих-похититель. И не просто стоял – стоял пафосно: облокотившись на машину, выкуривая сигарету.

– Нужно поговорить, – сказал он. Снова этот раздражающий акцент.

– Вот так вот, да? Даже без «здрасте»? – насупилась Лиза.

«Раздражающий акцент» смерил ее взглядом, оценивая. А затем ожидая. Но Лиза стояла на месте – просто смотрела на него и улыбалась.

Пожалуй, в этот раз она была готова поговорить.

Лиза заказала карамельный латте и выжидающе уставилась на «раздражающий акцент».

– Ян Новак, – сказал он, словно бы прикинул, сколькими прозвищами Лиза могла величать его в голове.

Она же прыснула, показательно сдерживая смехи.

– Постой-постой, я даже знаю, что ты сейчас скажешь! Ты...

– Из пражской алхимической семьи, – Ян не позволил ей закончить за него.

Лиза откинулась на спинку кресла и неожиданно для себя самой приняла серьезный вид. Если отбросить в сторону здравый смысл (она кормит живую статую кровью – какой тут здравый смысл?!), то этот пазл можно сложить в одну картинку. С одной стороны – каменное изваяние, которое ожило каким-то магическим образом. С другой – парень из Праги, который за ним охотится.

– Много лет назад наши семьи нашли небольшое месторождение редкого вида мрамора, из которого вывели новую породу големов. Они были гибкими, выносливыми, долговечными и разумными. Наши скульпторы придавали им форму ангелов, как будто крылья могли бы их облагородить и замаскировать ту суть, которой они являлись.

Ян прервался, когда официантка принесла их заказ.

Легко живется магическим конспираторам в современном мире. Рассуждаешь о чертовщине на полном серьезе, но примут тебя не за сумасшедшего, а за гика.

Лиза хлебнула кофе, игнорируя принесенную трубочку.

– Если тебя это утешит, от крыльев она совсем не в восторге, избавилась от них при первой возможности.

Если Ян и обратил на ее слова внимание, то виду не подал.

– Как оживляли алхимики големов, думаю, для тебя уже не секрет.

Лиза покосилась на левую руку и спрятала ее под стол, словно такой жест мог что-то изменить.

– Но со временем стало понятно, что цена за такой дар непомерно высока. Человек, кормящий статую своей кровью, каплю за каплей отдает голему собственную жизнь. Если ты продолжишь кормить эту тварь, то умрешь, а она займет твоё место.

Ян произнес эти слова с участливой обыденностью, как врач предупреждает заядлого курильщика: если он не бросит курить, то очень скоро умрет. Но что делать Лизе? Если для курильщика все упирается в его силу воли, то Лизин выбор невелик. Хочет она того или нет – сегодня вечером она явится к Аделаиде и преподнесет ей дань.

– Ну, ноги у нее явно длиннее моих, вряд ли окружающие не заметят разницы.

– Дело не в том, как она выглядит, и даже не в том, как она себя ведет, – объяснил Ян. – Она просто заменит тебя собой и – как бы это попроще объяснить? – займет твоё место во Вселенной. Какая разница, кто такая и как выглядит Елизавета Вернова, если на её месте кто-то есть и баланс соблюден? Подмена не будет ни для кого ничего значить.

– И много у меня осталось времени? – спросила Лиза.

Ян внимательно оглядел Лизу:

– Сколько тебе полных лет?

– Эй!

– Я серьезно.

– Шестнадцать.

– Сколько раз ты её кормила?

Лизе не хотелось закатывать рукав и считать порезы на людях, при Яне.

– Одиннадцать, кажется.

– В таком случае у тебя осталось пять дней. Големы не любят торопиться, но и выжидать слишком долго не станут. Когда твоя кровь окрасит её мрамор в шестнадцатый раз, для тебя все закончится.

– Прямо как в сказке, – попыталась пошутить Лиза. Она по-прежнему под гипнозом Аделаиды или это просто нервное? Взяв трубочку, она собрала остатки пенки по краям стакана. – И что мне делать? Я ведь не могу не ходить к ней, понимаешь? Это не мой выбор... – Лиза запнулась, и сердце екнуло, когда она нашла решение: – А что, если я не буду ходить к ней не по своей воле? Я могу рассказать обо всем брату, когда он узнает, что Аделаида угрожает моей жизни, он обязательно мне поможет! Он бы мог запереть меня у нас в квартире... и даже приковать, ну, знаешь, как оборотней в фильмах...

– Нет! – отрезал Ян, и Лиза почему-то вздрогнула. – Во-первых, скорее всего у тебя начнется ломка, и ты умрешь. Если бы все было так просто, этой проблемы никогда не возникло бы.

Почему-то Лиза опасалась услышать его «во-вторых».

– Во-вторых, твой брат не станет тебе помогать.

Лиза прыснула, но внутри у неё все съежилось и похолодело:

– Что за бред? Это же мой брат!

– Нет.

Повисла долгая пауза.

– Ты можешь сколько угодно прикидываться передо мной дурочкой, но прекрати обманывать саму себя, – сказал Ян несколько резче того тона, в котором протекал их прежний разговор. У него впервые прорезались эмоции. – Ты ведь знаешь, что произошло с твоим настоящим братом одиннадцать лет назад...

– Да ничего я не знаю! – крикнула Лиза, подскочив с места.

Посетители и официанты кофейни с любопытством покосились на их столик. Она сделала глубокий вдох, второй, третий. Ян сидел напротив неё по-прежнему с непроницаемым лицом, глядя на Лизу снизу вверх.

– Я ничего не знаю, – повторила Лиза, уже почти шепотом, как будто признавалась и извинялась за что-то. Но она ведь не виновата! Не виновата?

Тяжело опустилась на слегка протертое кресло. Поерзала, стараясь отыскать потерянный уют, но ей это так и не удалось. Спрятав лицо в ладони, Лиза постаралась собраться с мыслями. Этот человек не запутает ее, а Аделаида не отнимет ее жизнь, а Филипп... а Филипп...

– Мой брат не любил меня, – не отрывая лица от ладоней, сказала Лиза. Она услышала, как Ян слегка подался навстречу, чтобы лучше слышать собеседницу. – У нас была большая разница в возрасте – почти шестнадцать лет. Шестнадцать лет родители любили его большего всего на свете, а потом появилась я – маленький комочек неприятностей, с которым нужно было всем делиться.

Мне было пять, когда произошла авария. Филипп уже не жил с нами, единственное, что я о нем знала по-настоящему: он меня не любит, и я его боюсь. Он был моим единственным родственником. Но он был совсем молодым, разве кто-нибудь смог бы вменить ему в вину, если бы он не потянул заботу о своей маленькой сестре? Разумеется, я была ему не нужна! Я была непослушной, а после трагедии совершенно несносной. Квартира, в которой мы тогда жили, была недалеко от кладбища, на котором похоронили родителей. Я часто сбегала туда, сидела часами на коленях у ангела...

На слове «ангел» язык Лизы споткнулся о небо. Она покачала головой:

– Статуя. Это была статуя из белого мрамора, такая же гипнотически прекрасная, как и Аделаида, только с мужским лицом. Меня тянуло к изваянию, как...

Как к Аделаиде. Неужели она уже сталкивалась с големами в детстве?

– Но я не писала на нем своего имени, и уж тем более не кормила своей кровью! Я просто... – Лиза сглотнула, пытаясь не разреветься на людях. – Я просто плакала. Но что можно было взять с ребенка, который потерял обоих родителей и остался во власти человека, которому было на него наплевать?

Ян молча смотрел на Лизу, не вмешиваясь в ее монолог. Девушке не нужны были навязываемые вопросы – она заговорила сама:

– А потом все изменилось в одну ночь. Я чувствовала, что происходит что-то такое... я знала. Часто дети знают больше взрослых. Но я смолчала, сделала вид, что все в порядке. Потому что Филипп стал заботиться обо мне, понимаешь? Я стала чувствовать, что я в безопасности и что меня любят так, как любили родители. Это было важнее. И я люблю Филиппа. Этого Филиппа. Моего Филиппа! И мне все равно, что...

– Что это кусок камня, убивший твоего настоящего брата и занявший его место в жизни?

– Нет, – покачала головой Лиза. – Это мой брат!

– Ты упрямисься, и твое упрямство может стоить тебе жизни, – незаинтересованным тоном сказал Ян.

– Ты хочешь сказать, что Филипп может причинить мне вред?

– Не исключаю, что он любит тебя... по-своему, – согласился Ян. – Но у големов есть родовая память, Лиза, они сделаны из одного цельного куска мрамора. Все големы суть одно. Их родственная связь гораздо крепче, чем та... – Ян постарался подобрать правильное слово: – Нежность, которую испытывал к тебе «Филипп» все это время. Если ты думаешь, что между тобой и Аделаидой он выберет тебя, – ты глубоко ошибаешься. И такая ошибка может стоить тебе жизни.

Лиза прикрыла глаза, чувствуя тошнотворное головокружение. Она сдержала рвущийся наружу кашель, опасаясь, что ее вывернет наизнанку.

– Ты неправ, – она уже не пыталась придать голосу твердости и игривости поведению – ей было не до игры.

– Что ж, верить мне или не верить – выбор твой, я тебя предостерег. Теперь я хочу попросить тебя о помощи. – Ян сделал короткую паузу и, когда убедился, что Лиза его слушает,

продолжил: – Мне не добраться до Аделаиды, пока она находится в том доме. Он считает меня угрозой и не пускает внутрь.

Несколько дней назад Лиза бы рассмеялась ему в лицо, но не теперь.

– Но ты, по ее мнению, не представляешь для нее никакой угрозы. Поэтому я скажу тебе, как можно обезвредить статую, а ты это сделаешь.

Увидев, как Лиза побледнела, он продолжил:

– Статуя оживает благодаря имени, которое на нее наносят. Все, что нужно сделать, это стереть имя с ее тела. Технически это даже не убийство, а помощь – ты поможешь статуе вернуться в ее изначальное – природное – состояние.

– Звучит неправдоподобно просто, – вяло отозвалась Лиза.

– Неужели? – Ян выгнул бровь, и Лиза поняла, какую глупость сморозила. Как, позвольте, она доберется до надписи у Аделаиды на лопатке? А как она заставит голема не двигаться, пока уничтожает надпись? Да и расцарапать камень – это не масло на хлеб горячим ножом намазать!

– Ты продолжишь подкармливать голема своей кровью, и, когда его кожа смягчится, приобретая человеческую эластичность, ты сделаешь то, что я тебе сказал.

Спрашивать, что случится, если Лиза не справится, было глупо.

– А если я попытаюсь выманить ее за пределы Общаги, ты мне поможешь?

Ян не ответил и даже не моргнул, но Лиза приняла это за положительный ответ. Подумав, он оставил на салфетке свои адрес и номер.

Вечером Лиза провела много времени в ванне, пытаясь смыть с себя грязь и страх прошедших дней. Но намокшие порезы напоминали о ее кабале все сильнее. Сегодня Аделаида была живее обычного, и Лиза знала, что Филипп у нее уже побывал, – едва ощутимый, но такой знакомый запах одеколона витал в воздухе, отравляя надежду на счастливый конец.

Выключив воду, Лиза замерла. В квартире она была больше не одна. Лиза наспех обтерлась полотенцем и, накинув халат, выглянула из ванной.

– Филипп? – Она не смогла изгнать нотки тревоги, но запах разжариваемого мяса успокоил девушку раньше родного голоса:

– Да, лисенок?

Его отклик повис в воздухе.

Оставив мокрые следы на кафеле, Лиза проскользнула в свою комнату и переделась. Затем пришла на кухню и принялась резать салат.

– Я сегодня не ходила в школу, плохо себя чувствовала, – Лиза постаралась произнести эти слова непринужденно, как будто они вовсе не предназначены для того, чтобы скрыть неуютное молчание.

– Наверное, у тебя переутомление. Иди отдохни, я позову тебя к ужину, – в свою очередь сказал Филипп. Выдержать недежурный тон ему удалось гораздо лучше, чем Лизе.

– Мне уже лучше.

Тут Филипп впервые повернулся к ней лицом. Темно-серые глаза вцепились в нее с такой пронизательностью, что Лизе стало нехорошо. Она опустила взгляд и с запозданием поняла, что порезала ножом подушечку указательного пальца.

Если Филипп и хотел что-то сказать, то передумал. Лиза сунула кончик пальца в рот и зажмурилась. Если все так будет и дальше, она не выдержит. Она... Не справившись с эмоциями, Лиза смахнула со стола миску с салатом. Звук битого стекла не только не отрезвил ее, наоборот – раззадорил злость. Она потянулась за тарелкой, но прохладная уверенная рука Филиппа ухватила ее за запястье.

– А ну перестань, – сказал он строго, но без гневной вспышки, которую Лиза ожидала и на которую надеялась. Если бы он разозлился на нее, это бы означало, что он настоящий.

Но Филипп никогда не поднимал на нее голоса. – У тебя бинты намокли, а ты их не сменила. Кто так делает?

Вот и вся забота.

Лиза сглотнула вязкую слюну и разрыдалась, уткнувшись носом в грудь Филиппа. Брат положил руку ей на макушку и погладил, как котенка.

Мясо гневно шипело на сковородке, постепенно превращаясь в сухари. Кажется, сегодня они останутся без ужина.

Лиза вскинула руки и крепко обняла Филиппа, ощутив два ровных шрама у него под лопатками.

Интересно, нужна ли ожившим статуям еда на самом деле?

– Что-то ты сегодня рано, – Аделаида обвинительно ткнула в нее пальцем и прищурилась (неловко – теперь она умела демонстрировать эмоции не только голосом и жестами, но еще и мимикой). – Прогуляла школу?

– Не твоё дело, – буркнула Лиза, стягивая с плеча рюкзак. Ей не хотелось задерживаться надолго. По большей части из-за страха пересечься с Филиппом.

Аделаида хмыкнула и повернулась к Лизе спиной, эту самую спину гордо демонстрируя. На ней были новенькие брюки и блуза с вырезом сзади. Лиза невольно (как и хотела Аделаида) обратила внимание на ровный изгиб ее лопаток. На коже-мраморе больше не было ни намека на обломанные крылья.

Филипп позаботился о том, чтобы у нее не осталось шрамов. Ведь в его время ему пришлось заботиться о себе самому.

– Подойди сюда, я тебя накормлю, – небрежно бросила Лиза, как будто ее кровь была никчемной подачкой.

– Куда-то спешишь? – Попытка быть безразличной позабавила Аделаиду.

Запретив себе нервничать и выказывать страх, Лиза вытащила из кармана нож и размотала бинты на руке. На этот раз она взяла с собой отцовский охотничий нож. Вряд ли зубочистка, которую она так и не отдала Рите, поможет ей быстро стереть имя на мраморе. Если Аделаида и обратила внимание на обновку, то виду не подавала.

Новый порез – она почти привыкла, и боль больше не казалась ей острой.

Аделаида нежно, почти любовно, взяла ее за руку и поднесла белоснежные пальцы к сочащейся кровью ранке. Кровь быстро впитывалась в белоснежный мрамор. Лиза вспомнила наставления Яна, но пока что они ничем не могли ей помочь – кожа-мрамор представлялась пока что непробиваемой. Сколько ей придется ждать, и самое главное – сколько нужно отдать самой себя, чтобы голем стал уязвимым? И будет ли у Лизы время и силы воспользоваться своим хрупким преимуществом?

Тошнота подкатила к горлу, и Лиза попыталась отстраниться от Аделаиды. Но статуя лишь крепче перехватила ее запястье, сжав до ослепительной боли. Лизе показалось или она услышала, как хрустнули кости?

– Отпусти, на сегодня для тебя достаточно, – огрызнулась Лиза и встретила взглядом с Аделаидой. Бескровные губы статуи изогнулись в недоброй улыбке:

– О, маленький лисенок, ты мне приказываешь? Мы не подчиняемся. Мы подчиняем, – голем стиснул запястье Лизы еще сильнее – на этот раз оно точно хрустнуло, глаза девушки заслезились, она заскулила от боли.

Лиза ухватила за плечо Аделаиды здоровой рукой в тщетной попытке освободиться. Статуя снисходительно улыбнулась и... отпустила Лизу.

Она решила поиграть в кошки-мышки? Или ей просто нравится запугивать Лизу? Разбираться в логике действий девушки-статуи Лиза решила на бегу, поэтому без промедлений попятилась в сторону выхода.

Сперва она услышала знакомый запах. Потом сильные руки тяжело легли на ее маленькие плечи.

Вот ирония – тот, на чью защиту она всю жизнь полагалась, теперь был непреодолимым препятствием на пути к спасению.

– Филипп, пожалуйста, – Лиза не знала, на что надеялась. Она почувствовала себя маленькой, беззащитной и преданной. Ее губы задрожали, и она не смогла повторить просьбу.

– Поранишься, лисенок, – мягко сказал Филипп и с легкостью забрал у нее охотничий нож.

– Разве это не здорово – вся семья в сборе! – лучезарно улыбнулась Аделаида и снова сократила дистанцию. – Я до сих пор поверить не могу, как удачно все получилось. Я ведь выбрала эту девочку совершенно случайно, а ты когда-то выбрал ее брата. Теперь я займу ее место, и мы будем братом и сестрой не только по мрамору, но и по крови. По имени!

– Ты не слишком торопишься? – Низкий бархатистый голос Филиппа заполнил комнату.

Лиза поежилась, и его пальцы сильнее стиснули ее плечи. Больно. И без того слабая надежда, что он пришел ее спасти, таяла на глазах. Нет, он не спрячет ее за спину, не защитит от опасности. Если он и правда испытывал к ней нежные чувства, они окончательно уступили его природе. Мрамор крепче крови.

– Тороплюсь? – искренне удивилась Аделаида. – О нет, наоборот! Мне стоило проявить настойчивость раньше.

Лиза крепко стиснула зубы. Нет, она не станет давить на жалость, но и сдаваться так просто она не намерена!

Подгадать идеально подходящее время невозможно, поэтому – сейчас или никогда!

Пусть Филипп и не был человеком, но кости и кожа у него человеческие. Лиза изо всех сил ударила его по ноге и подалась корпусом вперед, высвобождаясь из крепкой хватки. На мгновение хватка ослабла, Лиза почувствовала, что ее ничто не удерживает. Но ее схватили за ворот толстовки, как котенка за шкурку. От резкого захвата Лиза не устояла на ногах и повисла в руке Филиппа.

С каменной невозмутимостью он встряхнул ее, ставя на ноги. Не нарочито грубо, но и без нежности.

Аделаида тем временем подошла к Лизе почти вплотную и забрала из рук Филиппа охотничий нож. Потянув Лизу за руку, она любовно огладила шрамы.

– Один... три... пять... семь, – еле слышно считала статуя, – двенадцать. Осталось четыре. Тебе ведь шестнадцать лет, маленький лисенок?

Лиза сглотнула вязкую слюну и плотно сжала губы. Ян просчитался с жадностью Аделаиды. Ей хочется всего и сразу.

Аделаида крепко перехватила ее руку и легонько надавила на лезвие ножа. Кровь заструилась, обнажая тринадцатый порез. Голем ловко подхватил стекающие струйки крови, и они легко впитались в камень, словно в губку.

Лиза дернулась в последний раз, прежде чем ощутила, как ее конечности наливаются каменной тяжестью. Аделаида нежно улыбнулась ей, и девушка заметила, что глаза голема почти блестят.

Хватка Филиппа ослабла, а затем он вовсе отпустил Лизу. Сопротивление было сломлено – она уже точно никуда не денется.

Аделаида провела ножом по руке Лизы еще раз и еще. Четырнадцать. Пятнадцать. Лиза почувствовала, как ладонь голема, стискивающая ее запястье, становится мягче и теплее. Девушке, наоборот, стало нестерпимо холодно. Вот он, тот рубеж, перед которым у Лизы могло бы оказаться преимущество перед големом. Но она слишком ослабла, у нее нет ничего, чем бы она могла защищаться. Да и выцарапанное на камне имя было далеко – под лопаткой Аделаиды. Статуя ни за что не позволит Лизе даже взглянуть в сторону надписи.

Аделаида занесла руку для последнего пореза и на мгновение замерла.

– Знаешь, на самом деле это волнительно, – прошептала она и облизала губы. Они даже слегка заблестели от слюны. – Я не знаю, стоит ли говорить какое-то напутствие? Или тебе, может, стоит сказать какое-нибудь напутствие?

– Иди к черту, – процедила Лиза, но Аделаида лишь снисходительно улыбнулась.

– Брат мой, а что ты сделал в такой волнительный момент?

Филипп подошел к Аделаиде сзади и невесомо поцеловал почти мягкие волосы.

– Ничего не делал, – бесцветным голосом сказал он и впервые за все это время посмотрел в глаза Лизе. Помнит ли она, как выглядел настоящий Филипп? Разумеется, нет. Ее заполнили другие воспоминания, нужные голему, который заменил живого человека собой.

Теперь Лиза узнавала его черты – ангел с соседнего надгробья. Под его крыльями она пряталась от проливного дождя, но чаще всего – от Филиппа.

– Я... – Спазм сковал ее горло.

Обида и ревность победили чувство страха. На краю гибели Лиза поняла, что не очень беспокоится за свою жизнь. Ей плохо от предательства. Какое отвратительное, беспомощное чувство односторонней привязанности! Ведь Филипп, по сути, убивал ее, а она продолжала его любить.

Лиза не сразу поняла, что нож выпал из руки Аделаиды и она не успела сделать последний надрез. Статуя побелела. Можно было подумать, что кровь отхлынула от ее лица, но это просто мрамор приобрел изначальный цвет. Ее глаза снова окаменели, а красивое лицо застыло в гримасе испуга, перемешанного с непониманием и отчаянием.

Лиза ощутила, как ее тело приобрело прежнюю подвижность, и отпрянула от Аделаиды, едва удержавшись на ногах.

– Ты! – взревела Аделаида – ее голос был похож на удары камень о камень. Она обернулась к Лизе спиной, и девушка увидела зачеркнутое имя под ее лопаткой.

– Прости, – сказал Филипп с болезненной искренностью. Ей показалось или она увидела выступающие на его глазах слезы?

Аделаида сделала неуклюжий рывок в его сторону, но Филипп не двинулся с места. Еще шаг – она потянулась к его шее. Еще шаг – и Аделаида застыла на месте. Изящная белоснежная статуя с безобразно перекошенным лицом.

Время для Лизы застыло вместе с Аделаидой. Она сделала вдох, затем второй, третий, проталкивала воздух в легкие все глубже и глубже.

Филипп стремительно обогнул разделяющую их статую и схватил Лизу в охапку, прижимая к груди.

– Прости, – выдохнул брат ей в макушку. – Прости, прости, прости! Я не должен был сомневаться ни минуты, я не должен был подвергать тебя такой опасности, я не должен был делать тебе больно!

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Лиза разрыдалась от облегчения, вжавшись лицом в футболку брата. Неожиданно множество вещей для нее стали не важными. Их связь оказалась крепче мрамора.

– Мне кажется, у нас могут возникнуть неприятности, – шмыгнув носом, сказала Лиза и с неудовольствием покосилась в сторону Аделаиды. Ведь где-то снаружи обитал Ян, который все знал об их странной семейке. – Как ты думаешь, после дел, что мы здесь натворили, нам позволят снять комнату на время?

София Яновицкая Волк, которого ты кормишь

1

Тяжелый мяч летел через весь двор – прямо в голову. Галина Ивановна ничего не успела сделать, даже зажмуриваться не стала. Коротко вдохнула и зачем-то вцепилась покрепче в сумки, полные продуктов. Но удара не последовало. Перед глазами метнулась размытой полосой темная фигурка, взлетела, столкнулась с мячом и рухнула на землю.

– Валим! – радостно взвизгнули мальчишки и бросились бежать – только мелькнули разноцветные футболки.

– Хулиганы! Безобразие, все родителям скажу! – грозно трубила очнувшаяся Галина Ивановна.

Это была неправда – она, конечно, с удовольствием сказала бы, но в мельтешащей толпе было не разглядеть лиц. Особо наглый пацаненок ухитрился подхватить мяч – она попыталась дернуть его за шиворот, но сумки оттянули руки, и мальчишка со смехом умчался. Через две секунды двор опустел. Правда, не совсем – возмущенно дыша, Галина Ивановна опустила взгляд и увидела сидящего на земле мальчишку лет десяти. Того самого, что отбил мяч.

– Вы не ушиблись? – спросил мальчик, поднимаясь с земли и отряхивая запыленные джинсы. На коленке разошлась большая дырка, и сквозь нее мелькала красным свежая ссадина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.